

Филипп Марков

Охотникъ

исторический роман

Филипп Марков

Охотникъ. Исторический роман

«Издательские решения»

Марков Ф.

Охотникъ. Исторический роман / Ф. Марков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901277-7

Российская империя. 1914 год. Переломное время в истории страны. Война. Столкновение империй. На фоне этих событий развивается история молодого человека, решившего уклониться от военной службы. Пройдя через множество испытаний судьбы, герой все же оказывается на войне и принимает свое первое сражение. Это роман военно-приключенческого жанра, роман о войне, о долге, о любви. Повествование наполнено батальными сценами, дуэлями, интригами и драмой.

ISBN 978-5-44-901277-7

© Марков Ф.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Охотникъ Исторический роман

Филипп Марков

Художник Артур Раильевич Шугуров

© Филипп Марков, 2018

ISBN 978-5-4490-1277-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Глава 1

Поздним июльским вечером семнадцатого числа 1914 года в небольшом городке Ново-Александровске Томской губернии городской голова Ефрем Сергеевич Артемьев, сидя у себя в кабинете напротив камина, слушал потрескивание сухих березовых дров, то и дело, отмахиваясь от издающих звонкий писк назойливых комаров. Он нервно переминал в руках письмо, доставленное двумя часами ранее гонцом из Томска. Это была рукописная копия телеграммы, полученной сегодня же из столицы Российской империи, города Санкт-Петербурга. О содержании телеграммы ему было сообщено по телефонному аппарату ранее, но Артемьев хотел собственными глазами прочесть ее текст.

Аккуратными буквами на пожелтевшем листке бумаги было написано следующее:

«Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному росписанию 1910 года тчк первым днем мобилизации следует считать 18 сего июля 1914 года».

Сегодня семнадцатое число, – размышлял Ефрем Сергеевич, – значит, пара дней у нас в запасе есть. Как бы Петербург не торопил, за один день такое дело не сделаешь.

Слухи о мобилизации ходили давно, но Государь вступать в войну не желал, поэтому точных сроков организации призыва никто не знал, и случился он для Ефрема Сергеевича неожиданно.

Ефрем Сергеевич Артемьев был купцом, выходцем из семьи ямщиков. Его предки поселились в Сибири еще по грамоте Бориса Годунова. Он сколотил целое состояние на перевозках различных товаров и грузов. С развитием пароходства Томск ввиду его выгодного расположения вдоль реки Томи стал центром ямской гоньбы; здесь собирались грузы для дальнейшей отправки в восточную Сибирь, Китай и Европейскую Россию.

В подчинении Артемьева в свое время находилось порядка тысячи семисот ямщиков и извозчиков, которые сопровождали около двенадцати тысяч возов. Процветанию дела его жизни помешало строительство Транссибирской магистрали, и в 1909 году Ефрем Сергеевич был вынужден значительно сократить объем гужевых перевозок. Но данная ему от природы деловая хватка и достаточно серьезный жизненный опыт не дали пропасть предприимчивому купцу. Он занялся коннозаводством, торговлей чаем, мясом, покупал земельные участки под строительство, открыл множество лавок и магазинов по городу, а также несколько фабрик. В возрасте пятидесяти семи лет он был назначен головой небольшого городка Ново-Александровска, находящегося всего в 37 верстах от столицы губернии – Томска. Городок вырос из деревеньки, образовавшейся вокруг открытого купцом мукомольного завода, недалеко от которого затем заработал и конный завод.

В городке купец отстроил себе богатое имение, настоящий дворец, архитектура которого соединила в себе традиции русской культуры и современные европейские веяния. Во дворце насчитывалось пятнадцать комнат, с северной стороны дворца был разбит большой пышный сад, где были посажены яблони, вишни, роскошные топиары¹. По краям сада росли близкие русской душе белоствольные кудрявые березы, сок которых подавался к обеденному столу Ефрема Сергеевича, начиная со времени таяния снега и до появления первой зеленой листвы. Территория имения была огорожена узорчатой чугунной оградой. Помимо сада здесь распо-

---

¹ Кустарниковая скульптура (топиар, реже топиари) – фигурная стрижка деревьев и кустарников, одно из старейших садово-парковых искусств.

лагались два колодца, небольшой желтый флигель для прислуги, переливающиеся фонтаны и яркие нарядные клумбы с экзотическими цветами, вокруг коих носились породистые собаки, гонявшие по двору беспородных котов и кошек. Рядом с имением на расстоянии в полверсты находился густой красивый лес, откуда доносилось звонкое многоголосое пение птиц.

Дворец был выкрашен в небесно-голубой цвет, центральную арку у входа украшал выгравированный герб Томска, на зеленом поле которого был изображен серебряный скачущий конь.

Внутреннее убранство дома было не менее богато, чем внешнее. Дверные проемы в виде арок, дубовая мебель и двери, резные ручки, картины, заграничные люстры. Но гордостью Ефрема Сергеевича было выстроенное по его личному заказу подземелье с винным погребом и ледником для хранения продуктов. Хотя гордился он не возможностью подземного хранения вин и яств, а тайным тоннелем, позволявшим в случае экстренного происшествия, скрытно пройти к пристани на реке Томь и, таким образом, избежать неприятных ситуаций.

Нет, война не погубила бы дело Артемьева, он готов был быстро перестроить производство для нужд армии, поставлял бы коней, провизию, да и в целом ввиду значительности накопленного капитала не пропал бы.

Главная проблема заключалась в том, что Бог за всю жизнь купца не подарил ему наследника всех его несметных богатств. Как он только не просил, даже будучи в деловой поездке в Москве, поклонился чудотворной иконе «Милующей» в известном на всю страну Зачатьевском монастыре, где со слезами на глазах коленопреклоненно молился Пресвятой Богородице о даровании сына или дочери.

Но пути Господни неисповедимы, наследник так и не появился, а супруга Ефрема Сергеевича, незабвенная Надежда Васильевна, почила в 1904 году, и его наследником должен был стать шалопутный племянник Георгий, сын старшего брата купца – Сергея Сергеевича Артемьева, погибшего в битве при Вафангоу в русско-японской войне в составе корпуса сибирских стрелков.

После смерти отца мальчику исполнилось одиннадцать лет, в то время он прилежно учился и подавал всяческие надежды. К четырнадцати годам его матушка, вдовствующая Агриппина Владимировна, вышла замуж за небогатого дворянина весьма сомнительной репутации. Отношения с пасынком у того не заладились, а вскоре Агриппина Владимировна родила новому мужу собственное дитя, и Георгий, по настоянию Ефрема Сергеевича, был передан ему же на воспитание. Но к двадцати одному году с Георгием было все труднее, он обладал тяжёлым норовом, острым языком, некоторым беспечным нахальством, а порою был и вовсе безрассуден.

Ефрем Сергеевич прилагал к воспитанию племянника все свои усилия: обучил его грамоте, языкам, различным наукам, стрельбе и фехтованию, а когда пришло время, он устроил Георгия на юридический факультет Императорского университета, в строительство которого в свое время, купец вложил собственных семьдесят тысяч рублей.

Все бы ничего, но своевольный племянник бросил учебу и ходил по питейным заведениям, волочился за девицами, а также увлекался азартными играми, что особенно выводило из себя Артемьева.

Ефрем Сергеевич списывал большинство его проказ на возраст и надеялся, что рано или поздно Георгий одумается, возьмет себя в руки и примет бразды правления оставленной маленькой купеческой империей. Но, кажется, Россия стояла на пороге весьма крупного военного конфликта, и предстоящая мобилизация ломала все многочисленные планы и надежды Артемьева на нерадивого племянника. Артемьев считал, что Георгию не место на войне, этот молодой человек был просто повесой, вырос в роскоши и не годился для полной лишений и риска военной службы. Купец не хотел, чтобы его будущий наследник вернулся калекой, да и с учетом судьбы его отца, он мог и вовсе не вернуться.

Артемьев не верил в короткую победоносную войну, о которой шли разговоры в обществе. Короткая, но позорная война уже произошла десять лет назад, а тогда, если ему не изменяла память, страна была полна такими же шапкозакидательскими настроениями, а результатом всей этой вакханалии стала революция, пошатнувшая, казавшееся незыблемым, самодержавие. Какого поворота судьбы ожидать от этой кампании, когда на кон ставились Босфор и Дарданеллы, Балканы и польские земли, в клубок были сплетены интересы крупнейших европейских держав, мог знать один лишь Всемогущий Господь.

Купец водил связи с высшими чинами Томской губернии: с самим губернатором Владимиром Николаевичем Дудинским, с вице-губернатором Загряжским, с прокурором окружного суда Дубряго, да и со многими другими знатными и важными людьми. Но обращаться с унижительной просьбой освобождения от призыва или хотя бы отсрочки от него для своего племянника у Ефрема Сергеевича не было никакого желания. Кроме того, всякая подобная просьба в обязательном порядке потребовала бы ответной услуги, а оставаться в долгу купец уж очень не любил.

Вместо этого Артемьеву пришла в голову авантюрная мысль дать двести рублей служащему воинской повинности присутствия. Об этом его помощник уже разговаривал сегодня с нужными людьми, и цена за исключение из призывных списков была названа именно такая. За эти деньги можно было приобрести пару лошадей, но для богатого купца и мецената они ровным счетом ничего не значили, зато освобождали его от унижительных прошений у властимущих.

– Так и поступим! – сказал вслух Ефрем Сергеевич и, кивнув головой, смял желтый листок и бросил его в огонь, наблюдая за тем, как бумага сначала свернулась, а затем резко вспыхнула, исчезая в дымном пламени мраморного камина. Он взял в руки кочергу и подтолкнул догорающий листок под полено, плавно откинулся на спинку кресла-качалки. Один из назойливых кровопийц сел купцу на руку и тот, дождавшись пока комар решится отведать его крови, резким движением руки прихлопнул его. Кажется, гадкие твари оставили его в покое, так что он закрыл глаза и с облегчением от принятого решения медленно провалился в долгожданный сон.

Утром явился Георгий. Молодой человек был щегольски одет, хотя сегодня вид имел несколько помятый. На нем был пошитый у иностранного портного сюртук из темно-оливкового, практически черного кастора приталенного двубортного покроя, с отложным воротником и узкими рукавами, с пристяжной манишкой и черным самосвязанным галстуком с жемчужной булавкой, узкие брюки в темно-серую полоску и черные ботинки с заостренным носом на шнуровке, на голову был надет котелок из фетра. Роста Георгий был выше среднего, телосложения на вид худощавого. Глаза его были карие, лицо вытянуто с выраженными скулами. Усы и бороду он не носил, так как растительность на лице в силу юности имела несколько клочковатый характер. Темные волосы, обычно зачесанные в аккуратный пробор, растрепано свисали на лоб. Внешняя худощавость была обманчива. На самом деле Георгий был жилист и физически крепок, так как с юных лет участвовал в многочисленных молодецких забавах и спортивных состязаниях: он метко стрелял, побеждал в кулачных боях, поднимал тяжести, принимал участие в лошадиных забегах.

Молодого человека встречал вышколенный дворецкий Игнатий, который, взяв верхнюю одежду Георгия, сообщил, что Ефрем Сергеевич ожидает его в своем кабинете. Поднявшись на второй этаж и пройдя по широкому коридору, Георгий остановился у двери дядошкиного кабинета. Негромко постучав, он отворил дверь. Дядя восседал с важным видом за своим рабочим столом, опершись на локоть и поглаживая темные, но уже со значительной проседью широкие усы.

– Опять по мамзелькам всю ночь шлялся, Жора? – с укоризной спросил Ефрем Сергеевич.

– Дядюшка, я ночи напролет забочусь о судьбе нашего рода, что вы опять начинаете, ну, в самом деле, – озорно улыбаясь, ответил племянник.

– Тебе все шуточки, а ты новости слыхивал? Мобилизация, призыв, войну со дня на день объявят. А ты что? Учебу бросил, бездельничаешь, главный кандидат в пушечное мясо! – повысил голос Артемьев.

– Да ладно вам, каждый день одно и то же, война, да война, а ничего не объявляют, не хочет Государь воевать! – возразил Георгий.

Ефрем Сергеевич тяжело вздохнул, встал из-за стола и, расхаживая по кабинету взад-вперед, попутно сопровождая свою речь бурными жестами, принялся рассказывать о телефонном разговоре; гонце с телеграммой; о том, что Георгий не готов к мобилизации с его шалопутной жизнью и постоянными гулянками; о его печалях относительно отсутствия прямого наследника; надеждах на племянника и, в конце концов, вручил конверт с новенькими купюрами общей суммой в двести рублей.

– Скачи в город, передашь это служащему воинской повинности присутствия, там, в университетской роще должны завтра организовать мобилизационный пункт, но начали готовиться уже сегодня. Надеюсь, ты еще не забыл, где находится университет? Никому другому от моего имени я поручать такое не хочу, а напрямую, как ты понимаешь, участвовать в данном мероприятии сомнительной законности – не могу.

Ефрем Сергеевич погрозил пальцем и добавил:

– Не подведи, Георгий. Не хочу я, чтобы ты судьбу отца повторял. Не оплошай, прошу!

Георгий положил конверт во внутренний карман и с усмешкой ответил:

– Все будет сделано как надо, дядюшка! Что-что, а отдавать деньги я умею!

Ефрем Сергеевич, махнул рукой, уселся за свой стол и демонстративно принялся рассматривать и переключать документы, которыми было завалено его рабочее место.

– Я тебя больше не задерживаю, но через час – выезжай. Коня свежего возьми.

Георгий недовольно кивнул и направился в свою спальню в другое крыло дворца. Зайдя в комнату, он раздраженно замахнулся кулаком на стену, но тут же передумал и, решив остудить пыл более мирным способом, растянулся на кровати, молча уставившись в расписной потолок, обрамленный лепным карнизом. Он обдумывал слова дяди о грядущей войне. Георгий не стремился воевать, его устраивала беспечная, веселая молодость, он упивался свободой и прямо сейчас был совершенно не готов лишиться всего этого. Уклонение от призыва было, конечно, не в почете, но кому какое станет до этого дело, если война действительно будет короткой, как того обещают. Считалось, что военные действия не могут продлиться более полугода. Русская армия, вступив в сражения за два, в крайнем случае, за шесть месяцев, просто сомнет своей мощью неприятеля. Так отчего же ему волноваться, и зачем участвовать в смертоубийствах, когда есть гораздо более интересные и веселые занятия.

Он подумал о Лизе Вороновой, актрисе небольшой театральной труппы. После пожара 1905 года, в котором сгорел Королевский театр, её труппа вынуждена была слоняться от одной площадки к другой, выступая то в бесплатных библиотеках, то, если повезет, в здании общественного собрания. Георгий и Елизавета мечтали уехать в столицу, стать свободными от уз провинции и жить, так как им пожелается. Но надвигающаяся война, похоже, похоронила эти мечты. Да и в последнее время, Георгий стал замечать, что устает от наивных Лизиних речей о волшебной столичной жизни, как и от ее общества в целом. Он считал, что жизнь коротка, а молодые годы еще короче, хотел получить от этого времени как можно больше и совершенно не обольщался жизнью в густонаселенном Петербурге без поддержки друзей и близких, вдали от родных краев.

Георгий посмотрел в окно, яркое июльское солнце слепило глаза, заставив его сощуриться. Лето в Томске было мокрым и дождливым, но сегодняшнее утро радовало чистым

и безоблачным небом. Ветер легонько поглаживал зеленые, влажные от утренней росы ветви берез, растущих за окном во дворе усадьбы.

Собравшись с силами, Георгий встал с постели, сделал несколько шагов до гардероба и принялся менять вчерашний наряд. Он надел другие брюки, также в модную полоску, натянул жилет и затем накинул темно-серую визитку², застегнув ее на одну пуговицу. В жилете, должно быть, невыносимо жарко после обеда, но, как говорится, красота требует жертв, подумал Георгий.

Выйдя за ворота дворца, молодой человек побрел узкой тропинкой к дядюшкиной конюшне. Конюшня в новом здании располагалась всего в пятистах шагах от усадьбы. Завидев Георгия, старый конюх с длинной седой бородой и спутанными волосами, торчащими из-под фуражки, вскочил с деревянной лавки и весело замахал племяннику купца.

– Здоров, Кондратий Петрович. Конем поделишься, милейший? В Томск и обратно доскакать, – перешел сразу к делу Георгий.

Кондратий, почесал кудрявую седую бороду, затоптал окурок и широко улыбнулся, ошестинив наполовину беззубый рот.

– Пошли, Ваше степенство, подберем вам лошаденку, – немного шепеляво выговорил конюх.

В купеческой конюшне были лошади разных мастей, как ездовые, которые могли проскакать до семидесяти верст за сутки, так и беговые, предназначенные для различных празднеств и гуляний. Сибирь была обширным краем, значительные расстояния требовали не только дневных, но и ночных переездов. Купец Артемьев содержал как летние экипажи, так и особые зимние повозки, более длинные, с косым изгибом бортов со специальным фартуком и козырьком для защиты от холода.

Конюх отворил скрипучую дверь конюшни и позвал Артемьева за собой. Георгий с Кондратием шли мимо стойл по помещению в полумраке, вокруг чувствовался запах сена и лошадей, животные жевали, отмахивались хвостами от мух, весело стучали копытами и фыркали при виде конюха. Кондратий взял ведро и подсыпал некоторым из них овса, затем подвел Георгия к одному из загонов.

– Вот, Ваше степенство. Добрый конь! Шорохом кличут. Довезет, как подобает, не сомневайтесь.

– Да разве-ж можно тебе не верить, Кондрат, – отозвался Георгий, похлопав конюха по плечу, – ты хоть старый и озорник, а в обмане замечен не был. Артемьев весело подмигнул старику, намекая на его неуклюжие пьяные ухлестывания за местными бабами.

Конюх хмыкнул, открыл загон и вывел скакуна на волю. Поджарый жеребец был буланой масти, желтовато-песочного цвета с аккуратно подстриженной по бокам черной гривой. Нижние части ног коня также были черными. Кондратий ласково погладил животное и повел его на улицу.

– Красив, ничего не скажешь, – Георгий восхитился необычному виду коня. – Недавно, видать, купили?

– С месяц будет, – ответил конюх. Он встал слева от лошади, провел ребром ладони по спине, затем сжал холку двумя пальцами – конь стоял спокойно. Кондратий подтянул стремяна, положил клетчатый вальтрап на спину лошади и начал пристегивать темно-коричневое седло с металлическим остовом, одновременно приговаривая ласковые слова, а затем одел уздечку.

---

² Визитка – принадлежность мужского костюма, род [сюртука](#). В отличие от него, у визитки полы расходятся спереди, образуя конусообразный вырез (но не по прямой линии, как у [фрака](#), а закругляясь сзади)

Наконец, работа была закончена. Георгий, поблагодарив конюха, вскочил на коня и по узкой тропинке направился в сторону Томска. За час, в который должен был уложиться Георгий, по указанию Ефрема Сергеевича, конечно, сделать ничего не удалось.

Конь шел рысью по проселочной дороге вдоль реки, постепенно набирая скорость. Ощущалось, как солнце плавно накаляет воздух. Теплый июльский ветерок развивал волосы темной конской гривы, нежно раскидывая их в разные стороны. Серебряная речная гладь играла желтым светом солнечных лучей, ловя отражение ветвистых деревьев. Пахло свежестью зелени сибирского леса и мягкой травой, над кустами беспокойным роем кружили назойливые насекомые, доносилось кваканье речных лягушек, звонко напевали соловьи и стрекотали стрекозы.

Вдали показался всадник. Приблизившись, он узнал Артемьева и помахал ему. Георгий осадил коня, перейдя на шаг. Всадником оказался его знакомый, сын мелкого торговца из Томска Никита Ступин, семья которого, имела в соседней деревеньке небольшой летний дом. Ступин был примерно одного с Георгием возраста, светловолосый с круглым лицом, неприятной ухмылкой и носом картошкой, одетый по-деревенски, в простые штаны и рубаху.

– Доброго здоровья, Жорж! – насмешливо поприветствовал Никита.

– И тебе Никишка, Васильев сын, доброго, – ответил Георгий.

– Почто в наших краях?

– А кто тебе сказал, что они ваши, – усмехнулся Артемьев.

– Ишь-ты какой, остролов! – Ступин завистливо посмотрел на необычного коня Артемьева.

– Добрый конь с виду, галопом бегаёт хоть? – с оттенком издевки спросил Никишка.

– А то! Твою клячу уж всяко перебегаёт, – Георгий смерил кобылу Ступина презрительным взглядом.

– Ну, ежели так, давай-ка проверим? – начал подначивать Ступин.

– Да я бы и рад утереть тебе нос, но не хочу тебя огорчать, да и дело у меня в городе, – смеясь, отказался Георгий.

– Только на словах и горазд ты, Артемьев, носы утирать! А как до дела, так голову в кусты и конец! Слабак ты, похоже! Правду говорят, ни на что не гожа ты, толку от тебя – ноль, – вспыхнув, вызываяще ответил Никита, демонстративно поворачивая коня, намереваясь ускорить прочь.

Георгия эти слова разозлили. Ему зачастую было важно, что говорят и думают о нем другие. Артемьеву представилось, что это будет легкая задача, кобыла Никишки и правда была не ахти какая – худая, бока впалые, взгляд какой-то понурый. Не скрывая свое раздражение обществом Никишки, он решил загнать немалую цену за победу, чтобы у Ступина больше не возникло желания его задирать.

– Стой! – окликнул Ступина Артемьев, – сто рублей, и я соизволю оставить тебя и твою клячу не у дел.

– А чего не пятьсот, – съязвил Ступин!

– Хошь и пятьсот давай! – азартно заявил Артемьев.

– Ладно, сто так сто! Кобыла хоть и старая, а фору еще многим даст. Давай по этой тропе через горку, а дальше по главной гужевой дороге на город примерно версту до следующего села, всего примерно пять верст. Победителю – сто рублей!

Сто рублей было солидной суммой, на которую можно было бы купить и новую неплохую лошадь. Зачастую такие суммы давались победителям конных бегов на ипподроме общества охотников конского бега, так что Георгий, еще раз посмотрев на кобылу Ступина, только усмехнулся. Он снял верхнюю одежду, оставшись в одной рубахе, и комком убрал ее в сумку.

– Погнали! – рявкнул Артемьев и подстегнул своего жеребца.

Конь рванул с места, взметнув за собой серую пыль извилистой проселочной дороги. До горки было примерно полторы версты, так что Георгий перешел с галопа на рысь и обер-

нулся, чтобы посмотреть на отставшего Ступина. Казалось, соперник не очень-то и торопился, скакал размеренно, в то время как Артемьев стремился сделать отрыв всё больше, снова пустив Шороха в галоп. Ступин постепенно ускорял шаг кобылы, не делая при этом резкого рывка. Георгий дразнил соперника и улюлюкал, хотя не был уверен, что тот слышит его. Шорох без каких-либо видимых усилий летел вперед.

Несмотря на захудалый вид клячи Ступина постепенно разрыв сокращался, а конь Артемьева уже начинал тяжело дышать. Артемьев решил дать коню немного передохнуть и замедлил ход, в то время как дистанция между соперниками стала сокращаться уже до пятидесяти или сорока шагов. Деревенские мальчишки пытались бежать по траве вдоль дороги за всадниками, весело размахивая руками, смеясь и крича, подгоняли коней.

Приближался пригорок, и Георгий подстегнул коня, снова перейдя на галоп и удлиняя разрыв в дистанции. Он чувствовал, как вспотели бока у жеребца. Ему пришла в голову мысль обогнуть холм справа по пастбищу, где пастух со своим внуком пас деревенские стада коров и овец. Идея выглядела удачной, так как подъем на пригорок был достаточно крутым, и конь потратил бы на него лишние силы. Поле оказалось ухабистым, и Георгий собрался снова сбавить ход, как вдруг передние копыта Шороха подкосились, попав в яму, и конь резко завалился вперед. Послышался хруст сломанной конской ноги, жеребец ударился головой о землю, неестественно загнувшись. Артемьев вылетел прочь из седла и, перекатившись по траве, нелепо растянулся в десяти шагах от раненного животного. Шорох с бешеным взглядом ржал и крутился вокруг себя, тщетно пытаясь встать, изо рта у жеребца пошла пена, а из его правой передней ноги алела окровавленная кость. Пастух жалобно запричитал и побежал на помощь Георгию, светловолосый мальчишка безмолвно стоял, открыв рот.

В этот момент с пригорка на своей кобыле спустился Ступин, с высоты увидев финал необдуманного маневра соперника.

Артемьев встал на ноги, колени на брюках и рубашка были измазаны зеленью свежей летней травы. Он отряхивался, не вполне осознавая, что произошло. Ступин спешил, подошел к обезумевшему Шороху, достал из-за спины длинный охотничий нож и неожиданно с силой вонзил клинок в шейную артерию коня, придерживая гриву другой рукой и коленом, надавив на туловище животного. Кровь потекла ручьем, конь, казалось, успокоился и обмяк. Животное задергалось в предсмертных судорогах, по воздуху пронесся неприятный запах нечистот из опорожненного кишечника коня, после чего Шорох затих. Ступин аккуратно извлек нож, отер испачканное кровью лезвие о черную конскую гриву.

Георгий, наконец, придя в себя, подбежал к Ступину и резко оттолкнул его от мертвого животного.

– Что ты сделал, сволочь! Зачем? Сукин ты сын! – орал Артемьев.

Ступин поднялся, схватил выпавший из рук нож и угрожающе выставил его перед собой, исподлобья глядя на разъяренного Георгия.

– Захлопни пасть, Жорж! Коню конец, ничем не помочь, я просто облегчил его страдания. И отойди от меня, – холодным тоном произнес Ступин.

– Сволочь ты! – Георгий заорал, и со злости пнул желтые одуванчики, так, что их цветущие головки, оторвавшись, полетели в разные стороны.

– С тебя сто рублей, Артемьев, – все так же холодно говорил Ступин. – Отдавай деньги и катись на все четыре стороны. Ступин сплюнул.

Артемьев пытался взять себя в руки и успокоиться, но дыхание его по-прежнему было частым неровным.

– Мне надо в город на чем-то доехать, – сквозь зубы процедил Георгий.

– Еще пятьдесят рублей на бочку и можешь взять Арфу, – Ступин кивнул головой в сторону своей кобылы.

Георгий, поморщившись, выругался:

– Вечная проблема на Руси – дороги! Что с Шорохом-то теперь делать?

– И дураки, видать. А конину, вон, – деду отдай на беляши, – ехидно добавил Ступин, кивнув в сторону, стоявших поодаль и наблюдавших за развернувшейся драмой пастуха с внуком, – за каким лядом тебя на поле-то понесло? А вообще, мне нет дела до того. Давай деньги сколько есть с собой и расходимся.

Георгий подобрал сумку и раздраженно начал шарить в поисках денег. Оказалось, собственных средств у него было всего сто рублей. Он, не думая, взял пятьдесят своих, затем открыл дядюшкин конверт и вытащив оттуда еще сотню, молча протянул купюры Ступину.

Ступин взял деньги, развернул свежевypушенную сторублевую купюру и прочитал вслух – «билет государственного казначейства, действителен по 1 августа 1928 года».

– Авось успею до этого времени потратить, а Артемьев? – посмеивался Ступин, – солидные суммы в кармане носишь, ну, то дело тоже не мое. Ладно, бывай.

Он картинно отвесил Георгию низкий поклон, развернулся и веселой походкой зашагал обратно в деревню.

Артемьев молчал. Его одолевала неистовая злость, которую он с трудом удерживал внутри себя. В какой-то момент он стиснул зубы и с силой сжал кулаки, страстно желая начистить морду наглецу Ступину, но осознавая свою вину в произошедшем, не позволил себе распустить руки.

– Дед! Коня заберешь? – Артемьев подозвал пастуха.

Пастух смущенно откликнулся:

– Заберу, мил человек, в хозяйстве туша-то поди пригодится!

– На том и порешим, – коротко ответил Георгий.

Он подошел к телу мертвого коня, снял с него седло и остальное снаряжение, решив забрать его вместо протертой амуниции Арфы. Часть суммы, необходимой для взятки служащему, была выброшена на ветер. Георгий, все еще пребывающий в озлобленном состоянии, пробормотал себе под нос что-то ругательное, оседлал Арфу и направил кобылу в сторону Томска.

– Осторожнее быть надо, – сказал вслед пастух, но Георгий уже не мог его слышать.

Глава 2

Было уже примерно три часа дня, когда Георгий въехал в город. Кобыла шла уверенно, но большой скорости не развивала. Артемьев уже шагом скакал мимо Городского сада и так добрался до Новособорной площади, где невольно загляделся на живописное трехэтажное здание торгового дома купца Кухтерина, одного из дядюшкиных конкурентов. Здание представляло собой сочетание красного кирпича с желтым песчаником, его украшали купола, фронтоны и балюстрады.

– Вот это размах, – сказал сам себе Георгий, в очередной раз восхитившись красотой постройки. Его дядюшка, хоть был богат не менее Кухтериных, подобных строений в собственности не имел.

Затем он проехал по Почтамтской улице в самом центре города мимо зданий, крыши которых во всем городе были выкрашены в зеленый цвет. По тротуарам, выстеленным из деревянных досок, среди городского шума гуляло множество разношерстного народу. Так, мимо проходили солидные господа в сопровождении не менее важного вида дам, одетых в строгие платья и большие шляпы и небрежно покручивающие узорчатые тканевые зонтики в руках. Шумно гудела толпа молодежи, по всей видимости, студенты, тащили какие-то короба работы, шли на прогулку молодые мамы с ребятишками.

Внезапно мимо самого носа лошади пронеслась небольшая фигура, Георгий натянул поводья, глянул влево и увидел смеющегося мальчишку, который, кривляясь и гримасничая, показывал наезднику язык. Георгий помахал ему кулаком и прикрикнул, чтобы валил куда подальше, не то будет пойман и выпорот, как сидорова коза.

– Ну и забавы пошли, – выдохнув, про себя пробормотал Артемьев. Мальчишка, тем временем, унесся прочь.

Вскоре Георгий оказался на Большой Садовой, которую часто называли Университетской улицей, в связи с открытием на ней Императорского университета, учебу, на юридическом факультете которого, он забросил.

Через дорогу от входа в университетскую рощу, Артемьев привязал кобылу к фонарному столбу и направился к основным воротам входа на территорию рощи первого за Уралом университета. Перед главным корпусом было открытое пространство с зелеными газонами и цветущими клумбами. В центре ансамбля университетской рощи располагался живописный фонтан, вокруг которого проходила широкая круговая дорога с прилегающими к ней узкими тропинками. Сама роща была наполнена густой зеленой растительностью, аккуратные деревья и кусты были высажены на равном расстоянии по всей территории. В роще росли ели, кедры, пихты, сосны, липа, черёмуха, бузина, калина, бережно взятые из густых сибирских лесов. Здание главного корпуса было выкрашено в благородный белый цвет, на его зеленой крыше возвышался деревянный крест.

Справа от главного входа в корпус можно было увидеть приготовления к предстоящей мобилизации. Были выставлены деревянные столы и стулья для комиссии, неподалеку располагалась небольшая палатка. Никого из членов комиссии не наблюдалось, только бородатый дворник неспешно занимался своей работой, подбирая разбросанный вокруг будущего призывного пункта бумажный мусор и ворча на мелких ночных хулиганов, в очередной раз пробравшихся ночью на территорию рощи и обломавших некоторые из кустов.

– Если призыв начнут завтра, то тут будет не протолкнуться, – подумалось Артемьеву.

Георгий отогнал назойливую мошку, вытер пот со лба и посмотрев на свой потрепанный вид, пожал плечами, внутренне осознавая всю несуразность своего нынешнего положения, и прошел в арочный вход, отворив массивную деревянную дверь здания главного корпуса.

Он шел по дубовому паркету просторного помещения, надеясь встретить хоть кого-то, кто поможет найти нужного ему человека из уездного воинской повинности присутствия по фамилии Новосельцев. Двигаясь по коридору, Артемьев увидел повернувшего из-за угла, прямо ему навстречу неспешно шагающего профессора с кафедры уголовного права Степана Петровича Мокринского. Профессор одно время исполнял обязанности декана юридического факультета, и Георгий имел опыт общения с ним как раз в момент своего отчисления. Мокринский был одет в строгий костюм, темные волосы на лысеющей голове зачесаны назад, борода аккуратно подстрижена. Завидев Артемьева, он сощурился сквозь круглые стекла своих очков.

– Ба-а, господин Артемьев, вы ли это? Неужели решили вновь вступить в доблестные ряды студенческой армии, как раз накануне мобилизации? Смотрю, бежали, аж спотыкались! – с иронией поинтересовался профессор.

– И вам доброго здоровья, Степан Петрович! Никак нет, в ваши ряды пока не надумал, но повод угадали верно. Вы случаем, не видели тут кого-нибудь из комиссии с призывного пункта? – сразу перешел к делу Артемьев.

– И вам доброго, конечно, что это я, в самом деле, – ответил профессор, попытавшись исправить проявленную им вначале небольшую бестактность, – видел, кажется одного, Новоселов или Скоробегов, кто там разберет их лошадиные фамилии. Сидит у Попова, чаи согревающие распивать изволит, – на слове чай Мокринский сделал особый акцент, скривившись, тем самым дав понять, что напиток, употребляемый упомянутыми им лицами, возможно, окажется несколько крепче обычного чая, – у вас-то как дела продвигаются, все ли у дядюшки в порядке, дай Бог ему здоровья! – профессор, кажется, не умел остановить разговор, по старой, выработанной чтением долгих лекций, преподавательской привычке.

Артемьев, не веря своей удаче, порывался уйти, но был вынужден продолжить вежливую беседу с бывшим преподавателем.

– Дядюшка здоров как бык, еще нас всех переживет! На конях скачет, зверей в лесу голыми руками душит, рыбу живьем ест! – отшутился Георгий.

Профессор хмыкнул:

– Ох уж эти ваши шуточки, господин Артемьев, кого-то язык до Киева может довести, но вы будьте осторожней, как бы вас без этого самого языка и вовсе не оставили! – предостерегающе ответил Мокринский, – законы военного времени, знаете ли, это вам не гражданское законодательство, не купи-продай какое-нибудь. Вот там-то специалисты уголовного права и понадобятся, народец-то гадкий сразу же вылезет, нормы уложения³ всем цветочками покажутся, – никак не унимался профессор.

– Степан Петрович, спасибо вам огромное, я тут, правда, по делу срочному очень, дядюшкино поручение, – решил, наконец, закончить разговор Артемьев.

Профессор поправил галстук, скривившись:

– Что-ж бегите, господин Артемьев, бегите, – с некоторой паузой произнес он, – но вы еще подумайте над вступлением в наши ряды вновь. Голова-то у вас есть, только порядка в ней нет. Давайте, с Богом! – профессор похлопал Георгия по плечу и зашагал дальше по коридору, еле слышно насвистывая какую-то мелодию.

Артемьев побежал на верхний этаж в ректорат, перескакивая сразу через несколько ступеней, где, по словам Мокринского, распивал горячительные напитки нужный ему чиновник. На двери ректора крепилась табличка – «Профессор Попов Михаил Феодорович», ректор Университета имени Его Императорского Величества Александра III». На стене по правую и левую сторону от двери висели большие черно-белые фотографии ректоров университета.

Артемьев слышал глухие голоса за дверью и решил дождаться окончания беседы. Он ходил по коридору взад-вперед, разглядывая висевшие на стене фотографии. На него смотрели

---

³ Уголовное уложение 1903 года – последний кодифицированный уголовно-правовой акт Императорской России.

серьезные, вдумчивые лица профессоров, как будто осуждавших бросившего учебу нерадивого студента.

Из кабинета ректора послышался смех, затем дверь, скрипнув, отворилась. Оттуда вышли два человека, одним из которых, по всей видимости, был тот, кого искал Георгий. Предполагаемый Новосельцев о чем-то весело пытался рассказать ректору заплетающимся языком. Ректор был напротив, серьезен и вполне трезв. Он коротко кивал головой, провожая собеседника. Ректору на вид было около шестидесяти лет, его лицо обрамляла густая борода, седые волосы были разделены идеальным боковым пробором. Наконец, ректор вернулся в кабинет, закрыв за собой дверь на внутренний замок. Георгий последовал за немного шатающимся служащим.

Догнав его, он увидел перед собой человека средних лет, но уже лысеющего. Пиджак его был мят, а физиономия красна от принятой дозы алкоголя.

– Господин Новосельцев, Иван Петрович? – окликнул его Артемьев.

– Ну, предположим и так, что с того? – недоверчиво ответил чиновник, обдав Георгия хмельным запахом.

– Я к вам по делу. Артемьев, племянник Ефрема Артемьева. Мне нужно передать вам вот это, – Георгий попытался всучить чиновнику конверт.

Глаза Новосельцева неожиданно прояснели и взволнованно забегали в разные стороны.

– Тише вы, не здесь же, в самом деле, пойдемте в сторонку хотя бы! —протараторил чиновник, испуганно отстраняясь от Георгия.

Артемьев растерянно уставился на него с зажатым конвертом в руке. Чиновник же махнул рукой, позвав его за собой. Они свернули с главного коридора, подойдя к лестничному пролету. Вокруг было тихо, и чиновник нервно протянул руку, изобразив ладонью манящий жест.

– Давайте, что там у вас за документы, – расторопно произнес Новосельцев.

Георгий протянул конверт:

– Вот тут работа над ошибками, сто пятьдесят терминов и определений к ним, – заговорщически подмигнув, сообщил Артемьев.

– Кажется, вам задавали двести, если мне не изменяет память, – ответил Новосельцев, выглядевший уже значительно более трезвым.

– Всему факультету задано сто пятьдесят, именно столько я и подготовил, – ответил Георгий.

Один из его приятелей поговаривал, что таксу за исключение из призывных списков в обычное время выставляли в среднем сто двадцать рублей. В военное время должно было быть подорожание, но ведь формально война пока и не была объявлена, так что Георгий решил рискнуть.

– Может для остальных оно и так, – косвенно подтвердил предположения Артемьева чиновник, – но ваше задание было индивидуальным. По сему, жду вас завтра на передаче. Подходите к девяти утра, надеюсь, не опоздаете.

Чиновник засунул конверт за пазуху и застучал каблуками, спускаясь вниз по лестнице. Георгий не вполне довольный итогом произошедшей беседы, подождал пока тот спустится, затем также направился к выходу.

Сегодня Артемьев решил не возвращаться в Ново-Александровск. Порученное дело решено не до конца, а разговора с дядюшкой по этому вопросу было не избежать. Воспоминания о загубленном отличном жеребце также не давали покоя. Он не знал, правильно ли поступил Ступин, убив животное, но к жизни того уже не вернешь, а что-то доказывать уже поздно, да и некому.

Артемьев решил остановиться на ночь в одном из домов, принадлежавших Ефрему Сергеевичу. Хозяин бывал там лишь наездами, основную часть времени проводив в своем имении

в Ново-Александровске, так что за домом следила только прислуга. Каменное жилище было построено на месте старого деревянного дома и предназначалось для больших приемов, хотя после того, как его владелец стал городским головой Ново-Александровска, все чаще просто пустовало.

Перед воротами Георгий спешил и во двор ввел кобылу уже под уздцы. Оставив ее на попечение прислуги, он поднялся в обычно занимаемую им комнату и несмотря на то, что времени было всего восемь часов вечера, рухнул без сил на кровать, проспав до самого утра.

Утром Артемьева поочередно будили гулко хлопающие двери, пронзительный петушиный крик, звонкое пение птиц за окном. Окончательно он вынужден был проснуться от трехкратного стука в дверь.

– Ваше степенство, извольте к завтраку спускаться. Вы просили не позднее семи разбудить, пора-с! – громко говорил бодрый голос слуги, стоящего за дверью.

– Встаю, Архип, встаю! Не стучи только больше и не ори, прошу! – отозвался Артемьев.

Георгий встал с постели. Спалось не очень, так как всю ночь донимали комары, тело было расчесано и покрыто красными следами от их укусов. Ночью Георгий то и дело хлопал себя ладонью по щекам, так как после очередной атаки насекомых, вынужден был закутаться в одеяло по самую шею.

Артемьев оделся и спустился к столу. На завтрак были поданы кофе со сливками, яичница, разнообразные кренделя, блины, мед, варенье, различные фрукты на выбор. Артемьев наспех поел и собрался в дорогу, желая приехать чуть ранее назначенного чиновником времени.

Призыв начался в субботу 19 июля в 6 часов утра. Только начинало светать, воздух был наполнен влажной утренней прохладой. На открытых мобилизационных пунктах уже толпилось множество людей. Среди них в основном были крестьяне и рабочие, но присутствовали и представители интеллигенции, также отдельной группой стояли татары с тюбетейками на головах. Мобилизацию казачества организовывали непосредственно в местах проживания их общин. Выделялись и совсем юные безусые лица парнишек, вероятно, решивших отправиться на фронт добровольно или как зачастую говорили – охотниками.

Георгий с трудом нашел место для привязи кобылы вдали от входа на территорию университета, среди людей было не протолкнуться. Кроме призывников, пришли их матери, кого-то сопровождали жены с ребятишками, радостно носившимися по дороге. Развернули свои лавки торговцы, продавая напитки и стряпню. Кто-то пытался продать оставшуюся от бывшей службы старую военную амуницию, поношенную обувь, фляжки, тупые сабли, охотничьи патроны и рюкзаки. Какой-то невысокий, заросший бородой красномордый мужик без головного убора ходил меж толпы, предлагая купить водку, спрятанную в боковом кармане. Он махал зеленой веткой, привлекая внимание, сощурившись, осматривался по сторонам, выискивая городского и, не найдя его, вытаскивал поочередно из разных карманов по полбутылки водки, демонстрируя их, заглядевшись на него прохожим. При этом со временем количество жидкости в бутылках уменьшалась, выпитое покупателями, а то ненароком и самим незадачливым торговцем спиртным.

Проталкиваясь через бурлящую толпу людей, Артемьев, наконец, оказался непосредственно у мобилизационного пункта. Вчерашнего знакомого чиновника видно нигде не было.

Члены комиссии по очереди принимали призывников, задавая одни и те же вопросы:

– Представьтесь и назовите возраст и род занятий до службы, – произнес офицер, расположившийся посредине стола, за которым сидели и остальные служащие.

– Гришин Павел, Анисимов сын. Рабочий, годов – тридцать семь. С Крюгерского завода пивоваренного.

– Медосмотр? – задал вопрос офицер.

– Годен.

Рабочий передал члену комиссии заполненный врачом листок о прохождении осмотра врача. Офицер коротко побарабанил пальцами по заполняемому им журналу, – зачисляетесь в ратники ополчения 1 разряда.

– Следующий! – командным тоном гаркнул офицер.

Георгий отвернулся, неподалеку военный врач осматривал призывников, один из которых, парнишка лет двадцать двух, явно пытался симулировать какое-то заболевание.

– Уши болят у меня, дохтур, гной лезет и боль разит постоянно! – доказывал парнишка.

Врач только посмеивался, продолжая заполнять свои формуляры.

– Иди, лоботряс, здоров ты, не ной, авось в тыл отправят, – вручив формуляр призывнику, с широкой улыбкой сообщил медик.

Георгий уже решил было поискать Новосельцева внутри здания главного корпуса, как вдруг кто-то сзади похлопал его по плечу.

– Господин Артемьев, – произнес сиплый голос за спиной.

Георгий обернулся и узнал Новосельцева. Вид его был более презентабелен, чем при первой их встрече, но при этом он выглядел немного нервным, а маленькие глаза взволнованно бежали в разные стороны.

– А Иван Петрович, какая встреча! – с улыбкой отозвался Артемьев. Он быстрым движением засунул руку в карман, а затем протянул ее Новосельцеву для рукопожатия.

Новосельцев не сразу понял маневр Артемьева, пока не ощутил в ладони смятую купюру.

Чиновник, казалось, несколько смутился, но, опомнившись, взял Артемьева под локоть и повел в сторону, заговорщически зашептав:

– Господин Артемьев, голубчик! Все удалось решить в лучшем виде! Самое главное – в призывных списках вас нет и не будет, вы Ефрему Сергеевичу так и передайте, – смущенно улыбаясь, тараторил чиновник.

Что-то в этих словах насторожило Георгия, уж больно сладко запел этот Новосельцев, с самого начала показавшийся Артемьеву скользким типом.

– Так, господин Новосельцев, давайте к сути, прошу вас, не надо заговаривать мне зубы, – прервал поток сладких речей чиновника Артемьев.

– Голубчик, голубчик, ну что вы, что вы, я как раз к ней родимой-то и подбираюсь вплотную. Удалось мне проблемку вашу за сто пятьдесят рубликов порешать.

– Ну же, не томите уже, господин Новосельцев, что все это означает, в конце-то концов!

– Так-с... Ну, на фронтах вы не окажетесь, это точно. Но и в Томске остаться не получится. Вы поедете в Петербург! – радостно выпалил чиновник.

– Вот так просто поеду и все? Как это изволите понимать? – удивился Георгий.

– Ну-с, положим, не так просто, придется потрудиться на благо Отечества все-таки. Поработаете немного на пороховом заводе Майнера, поперекладываете там бумажки, позаполняете формуляры, но вы подумайте о другом! Это же Петербург, столица! Совсем другая жизнь, с вашими-то деньгами! Кроме шуток, это лучшее, что я мог сделать за переданную вами сумму.

– Столица? Где, в пороховой бочке? Да что значит лучшее? Я вам только-что принес остальную часть оговоренной...

– Тише вы, тише, – оборвал Новосельцев, – оставшееся – это мои комиссионные, и на том вам спасибо. Держите бумаги, тут направление на завод, остальное полистаете, посмотрите, там все понятно. Билет купите за свой счет, тут уж, я надеюсь, проблем не возникнет. Через неделю, максимум две, вы должны быть там. На этом у меня все! А теперь извините, вынужден откланяться, надо следить там за всем, – он махнул рукой в сторону толпы людей возле мобилизационного пункта, – уже заждались поди.

Чиновник дотронулся до шляпы в знак прощания и лениво затрусил в сторону мобилизационного пункта.

Георгий побледнел от злости. Он сжимал в руках переданные бумаги, не зная что и подумать.

– Столица, значит, – только и смог вымолвить он.

Глава 3

Близился полдень. Тени становились короче, воздух нагревался, и, казалось, не было никакого спасения от вездесущей духоты. Низкие серые облака изредка закрывали яркий солнечный свет, давая изнывающим людям передышку от влажного июльского зноя.

Георгий решил, что отправится в Ново-Александровск вечером. Прибыв в томский дом дяди, он телефонирует Ефрему Сергеевичу, сообщив в общих чертах, что вопрос об исключении из призывных списков решен. Купец попытался разузнать подробности, но Георгий, сославшись на занятость, сказал, что все расскажет при личной встрече.

Артемов решил провести день в Томске и навестить Лизу. Ему непременно хотелось чем-то себя отвлечь после событий прошедших дней.

Он думал найти ее в Общественном собрании, которое было центром культурной жизни города. В здании собрания располагалась одна из крупнейших в городе библиотек, биллиардная и карточная комнаты, а также большой зрительный зал с неплохой акустикой. Именно в этом зале проводились различные концерты, спектакли, маскарады, балы и благотворительные вечера, после того, как в связи с пожаром, устроенным черносотенцами в 1905 году, был разрушен Королевский театр.

Лиза упоминала про то, как руководитель труппы договорился о показе поставленной им пьесы на сцене Общественного собрания, где они ежедневно проводили репетиции. Это было что-то вроде триумфа для нее, так как зал вмещал в себя почти тысячу человек, и на этот раз ей досталась одна из ведущих ролей. Лиза полагала, что именно сейчас, когда на премьеру соберется весь свет губернии, ее должны непременно заметить, рассказать о ее таланте нужным людям и пригласить играть, если не в столичный, то хотя бы в настоящий театр в каком-нибудь крупном городе.

Общественное собрание располагалось возле Новособорной площади. Его построили на месте сгоревшего имения разорившегося золотопромышленника Философа Горохова.

Такие места являлись неотъемлемой составляющей крупных городов и собирали в себе самых разнообразных лиц, независимо от звания или чина, но достаточно приличных для того, чтобы быть принятыми в общественную жизнь. Так, не имели права посещать собрания лица, которые подвергались ограничению свободы или прав в судебном или административном порядках. В основном же Общественное собрание города Томска посещали его действительные члены, платившие по пятнадцать рублей ежегодного взноса. С обычных гостей взималось по пятьдесят копеек за посещение, но при условии наличия рекомендации одного из регулярных членов собрания.

Георгий не стал брать лошадь, воспользовавшись услугами извозчика. Извозчик, узнав в нем племянника Ефрема Сергеевича, лихо прокатил его до места на дребезжащих дрожках и наотрез отказывался брать плату за проезд, так что Георгию пришлось просто положить монеты на сиденье экипажа, прибавив даже немного сверх положенной суммы.

Он вошел в здание Общественного собрания, и, поскольку являлся его действительным членом, никакой платы с него не потребовали. Артемов поднялся на второй этаж и направился к концертному залу. Тихонько приоткрыв дверь, он осторожно прошел в зрительный зал и занял одно из мест поближе к сцене. В зале практически никого не было, лишь несколько родственников актеров, пришедших для поддержки или из праздного любопытства.

Руководитель труппы – пожилой мужчина с аккуратно подстриженной бородой, прямым прилизанным пробором, одетый в белый, уже поношенного вида костюм, эмоционально руководил постановкой пьесы. Он то и дело останавливал действие, поправляя актеров, пытаясь заставить их читать с той или иной интонацией и делать более естественное выражение лица, сопровождать ту или иную эмоцию различными жестами.

– Заново, все сначала, давайте, давайте, друзья, прогоним все еще раз и с самого начала! – прокричал режиссер.

Ставили «Вишневый сад» Чехова. Режиссер громко объявил:

– Действие первое, входят Дуняша со свечой и Лопахин с книгой в руке!

На сцену вышли актеры и принялись читать заученные тексты, кажется, пока их игра вполне устраивала режиссера. Лизы не было видно. Георгий зевал, откровенно скучая. Наконец, на сцене появились Любовь Андреевна, Аня и Шарлотта Ивановна.

Георгий развеселился. Он понял, что Лиза играет Аню, а это была отнюдь не главная роль. Кажется, про нее Чехов говорил, что данного персонажа вообще может играть кто угодно, лишь бы была молода и со звонким голосом.⁴ Но, похоже, Лиза отдавала этой роли все силы, и Георгий пообещал себе, что постарается быть серьезным и не отпускать шуток на эту тему. Наконец, режиссер скомандовал занавес, и актеры скрылись за кулисами.

Члены труппы начали разбирать декорации, а, значит, что на сегодня репетиция закончилась, так что ждать Артемьеву оставалось недолго. Из-за кулис появилась Лиза. Ей было девятнадцать лет, светловолоса и худа, одетая в бежевое платье с завышенной талией, пошитое из узорчатой ткани. Подол юбки едва прикрывал носок ботинка. Заметив Георгия, она широко раскрыла бледно-голубые глаза, заулыбалась тонкими губами и помахала рукой.

– Жорж, какая неожиданность, как я счастлива вас увидеть! – залепетала Лиза.

– Здравствуйте, моя дорогая! Вы выглядели просто великолепно, уверен, постановка вызовет успех! – поприветствовал Лизу Георгий.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, Жорж. Но все же, какими судьбами?

– Решал тут одно деликатное дельце. Да что мы стоим тут в проходе, пройдемте в буфет на полдник, и я все вам расскажу – ответил Артемьев.

Проходя мимо рядов зрительного зала, Георгий ловил завистливые взгляды актрис из Лизиной труппы, она же гордо шла с ним под руку и загадочно улыбалась, как будто, не замечая глазевших на ее спутника подруг.

В буфете Георгий купил кофе, сладкий рулет с маком, пряники и два запеченных мясных пирожка. Сладкое он предложил Лизе, сам же решил остановиться на мясном. За полдником, Георгий вкратце поведал Лизе о своих последних приключениях, немного приукрасив свою роль в истории о лошадиных скачках, так что у Лизы начали наворачиваться слезы от рассказа о последнем вздохе несчастного, дорогого сердцу молодого человека скакуна. История о взятке и уклонении от призыва с легкой подачи Артемьева превратилось в горячий спор с чиновником службы военного присутствия о том, как молодому человеку не пристало работать на каком-то там заводе, когда у него есть две руки и две ноги, и он вполне может держать винтовку. Но Георгий не смог в одиночку противостоять закоренелой бюрократической машине и вынужден был с ней согласиться.

– Петербург?! – воскликнула Лиза, – вы едете в Петербург, – снова выпалила она, а как же я, как же наши мечты. Нет, вы непременно должны взять меня с собой!

Георгий понял, что заговорился и, кажется, сболтнул лишнего.

– Лизонька, как это не прискорбно, но это совершенно невозможно, совершенно! Там ужасные условия, придется жить с рабочими в бараках, спать на нарах без каких-либо удобств, – пытался выкрутиться из щекотливой ситуации Артемьев.

– Я могла бы быть, словно жена декабриста, – уже с меньшей уверенностью промолвила Лиза, – только наоборот, поехала бы за вами из Сибири в столицу и там терпела бы всяческие лишения ради любви.

---

⁴ Так А. П. Чехов писал в письме Немировичу-Данченко Вл. И., 2 ноября 1903 г. Ялта: «Аню может играть кто угодно, хотя бы совсем неизвестная актриса, лишь бы была молода и походила на девочку, и говорила бы молодым, звонким голосом, эта роль не из важных».

– Что вы, Лиза, прошу вас, не упоминайте этих полоумных революционеров при мне. Это все временно, какие-то четыре месяца и войне конец, да ее ведь даже и не объявили к тому же. Сколько стране может понадобиться порошу за четыре месяца, сущий пустяк, я вернусь, и все будет как прежде, – Георгий, кажется, преодолел неловкий момент их беседы.

– Но вы должны обязательно мне писать, обязательно! И рассказывать обо всем интересном, что вы увидите в столице нашей необъятной Империи, потребовала Лиза.

– Будет сделано в лучшем виде, моя дорогая Елизавета Александровна, – радостно отпартовал Артемьев.

Закончив полдник, они пошли прогуляться по летним городским улицам. Стало ветренее, густые серые облака постепенно затягивали гладкое небо, обещая к вечеру полить остужающим дождем, уставший от жары город. Молодые люди болтали, смеялись, Лиза рассказывала о том, каким несносным был руководитель трупы, что актрисы не держались подолгу и сбегали, не выдерживая его беспрестанных намеков и домогательств. Она поведала о том, как однажды влепила ему пощечину за одну из таких непристойностей. Но, как ни странно, он наградил ее ролью Ани в чеховской пьесе, вероятно, в знак уважения к ее стойкости. Георгий улыбался ее наивности и даже предложил начистить мерзавцу рыло, Лиза в ответ лишь отмахивалась и хохотала. Сегодня он был безгранично рад легкому общению с Лизой, забыв обо всех проблемах последних дней, о предстоящей поездке и неведомой работе на заводе, носившем имя знаменитого на всю страну промышленника.

Когда пришла пора прощаться, он нанял возницу, доехал вместе с Лизой до квартиры, которую она арендовала в одном из домов на окраине города и, приобняв, нежно поцеловал ее в щеку. Было уже около восьми вечера. Настало время возвращаться в Ново-Александровск.

На одной из центральных улиц навстречу экипажу внезапно выскочил оборванный нищий.

– Тпру-у! Стой, стой! – заорал извозчик, резко натянув вожжи, так что Георгия шатнуло вперед, – куда вылез, дурья башка, а ну прочь с дороги!

Нищий осклабился, обнажив редкие кривые зубы.

– Империи падут, – негромко произнес он.

– Что ты там несешь, а ну проваливай, а не то слезу и вытолкаю тебя вазеи, – пыхтя, прокричал возница, уже собираясь слезть с повозки, чтобы прогнать нищего.

– Империи падут! – вдруг громогласно возвестил оборванец, – падут, и все окрасится красным! Я вижу красную смерть на твоём лице, она уже рядом! – не унимался сумасшедший, указывая пальцем на извозчика.

Возница, кажется, перепугался слов оборванца, осеня себя крестным знамением. Он подстегнул лошадь, повозка тронулась, и упряжка понеслась прямо на сумасшедшего оборванца. Нищий отпрянул, завалившись в сторону и хохоча. Экипаж понесся прочь, поднимая за собой клубы дорожной пыли. Георгий обернулся, чтобы посмотреть, что произойдет с безумцем дальше. Он увидел, как тот, отряхнувшись, заковылял по дороге, пугая своим видом одиноких прохожих.

До дядюшкиного имения Георгий добрался уже затемно. Всю дорогу извозчик что-то бурчал и шептал молитвы.

– Извольте-с, сударь, прибыли! Вы уж не обессудьте. В такое время город полон сумасшедших и пьянчуг, – извиняющимся тоном пробормотал извозчик.

Георгий рассчитался, поблагодарив за комфортную доставку, сказал, что, естественно, никакой вины извозчика в том маленьком происшествии нет, притронулся рукой к шляпе в знак прощания и быстрым шагом пошел к воротам имения Ефрема Сергеевича.

Он отворил дверь в дом. Было похоже, что прислугу уже отпустили. Георгий тихо прошел в свою комнату, переоделся, затем заглянул в дядин кабинет, где купец обычно любил сидеть допоздна и часто даже засыпал там на диване, а то и на кресле-качалке, напротив мра-

морного камина. Но в этот раз к своему удивлению Георгий не нашел его там и решил проверить в спальне. Перед входом в опочивальню Ефрема Сергеевича доска паркета скрипнула, и из-за двери послышался уставший голос купца:

– Кто там бродит, Игнатий, ты?

Георгий зашел в комнату.

– Доброго вечера, дядюшка, – поприветствовал он Ефрема Сергеевича.

Купец был мрачнее тучи, он сидел на роскошной кровати, оперевшись локтем о колено, поверх пижамы на нем был надет домашний халат с монограммой «Е.А.» на нагрудном кармане.

– Что-то случилось, вы здоровы? – увидев бледный вид и мрачное выражение лица Ефрема Сергеевича, взволнованно спросил Георгий.

Ефрем Сергеевич посмотрел на него застывшим взглядом.

– Война, – коротко произнес он.

19 июля 1914 года Германия объявила войну Российской империи. На следующий день Государем был выпущен и к вечеру опубликован Высочайший манифест об объявлении войны, в котором император призывал: «В грозный час испытания да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение царя с его народом и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага».⁵ 26 июля выпущен Высочайший манифест об объявлении войны Австро-Венгрии. Толпы людей по всему государству собирались на манифестации, наполненные патриотическими и победными настроениями. В печати неизменно повторялось о единении народов империи, крупнейшем со времен Отечественной войны 1812 года. Томские газеты пестрили громкими заголовками: так, «Губернские ведомости», «Сибирская жизнь», «Сибирская правда», все как один призывали народ сплотиться «За веру, Царя и Отечество».

Георгий пытался сохранить трезвость суждений в час всеобщей милитаристской эйфории. Он принял решение не тянуть с отъездом и прибыть в Петербург как можно раньше.

Ефрем Сергеевич беспрестанно возмущался и высказывал всевозможное недовольство сложившейся ситуацией. На следующее утро, после прибытия Георгия, он пытался вызвонить Новосельцева, но выяснилось, что чиновник был уволен из присутствия еще в пятницу, восемнадцатого числа.

– Похоже, что этот субъект, набрал взятку со всей губернии и был таков, – негодовал Ефрем Сергеевич.

Он рассказал Георгию, что, когда начальство заметило количество мздоимств Новосельцева, его попросили оставить службу в срочном порядке, чтобы предотвратить возможный скандал. Тот согласился, видимо, не особенно расстраиваясь по этому поводу. Ефрем Сергеевич пытался как-то изменить решение по племяннику, но ему ответили, что это дело уже решенное, но волноваться ему не о чем: всего лишь канцелярская работа на частном заводе, которой должно прибавиться в связи с расширением производства пороха в военных целях.

Ефрем Сергеевич не привык слышать отказ в своих прошениях, но кажется, был бессилен, так как государственной машине было просто-напросто не до него. Он злился, то и дело срываясь, то на прислугу, то на Георгия. До него дошли сведения о том, что из конюшни пропала одна из дорогих лошадей, которую Георгий брал для поездки в Томск.

– Ты что, лиходея, в карты ее проиграл, что ль? В Томск на буланом жеребце выехал, а приехал, говорят, на какой-то дохлой кляче. Вычесть бы из жалования твоего, да жаль не имеешь ты ничего за душой! – грозил кулаком, надрывался Ефрем Сергеевич.

---

⁵ Летопись войны. Август 1914 года №1, стр. 4. [Электронный ресурс]. URL: lenta.ru/news/2014/08/02/news01/ (Дата обращения: 15.03.2017)

Георгий отмалчивался, виновато опустив голову. Лицо его ничего не выражало. Он старался пропускать мимо ушей дядины обвинения, то и дело сменявшиеся причитаниями. Он уже давно не играл в карты, по крайней мере, не делал крупных ставок, но лучше пусть дядя думает так, чем узнает правду.

– Молчишь? Знаю, что проиграл! Игроман, охальник, бездельник... Молокосос! – не мог остановиться Ефрем Сергеевич.

– А если там взрыв какой, на этом заводе, а если немчура в столицу вторгнется. Сибирь-то у Христа за пазухой, да и под присмотром был бы. Ой, беда, беда – закрестившись, сменил гнев на беспокойную жалость к неразумному племяннику купец, в сердцах хлопнув себя ладонью по колену.

Георгий, изрядно утомившись, захотел оборвать бессмысленный разговор.

– Дядя, ну тоже мне, за пазухой. Вы же давеча рассуждали, что японцы могут на стороне кайзера выступить, и Сибирь тогда под угрозой окажется. А пленных немцев куда денут по-вашему? Уж не в столице же их всех размещать, когда вот-те, пожалуйста, огрызок Империи! – заспорил Георгий.

– Я те дам огрызок, ты мне страну Ермака так называть не смей! – возмутился Ефрем Сергеевич, сдвинув седые брови, так что его лоб покрылся морщинами более обычного.

– Ладно, дядя, к чему вы пытаетесь меня склонить? Это ведь ваша все затея была с этим скользким Новосельцевым, я все по вашему указанию делал. А лошадь все равно бы реквизи- ровали! – спорил Георгий, закатывая глаза и раздраженно вздыхая.

Ефрем Сергеевич на секунду задумался, издал глубокий сиплый вздох, положил ладонь на лоб и сдержанным тоном произнес:

– Жора, ты просто не понимаешь. Кроме тебя у меня никого нет, никого. Я очень сильно переживаю, ведь ты мне как сын.

Георгий заметил, как глаза Ефрема Сергеевича моргали все чаще, стали влажными и заблестели. Купец нервно дергал себя за ус и то и дело отирал платком выступившие на лбу капли пота.

– Дядюшка, не убивайтесь вы так! Вы ведь тоже мне как отец родной, где б я оказался сейчас без вас? В канаве, наверное, с дыркой в голове за карточные долги, – своеобразно выразил свои чувства племянник.

Ефрем Сергеевич только заохал, мотая головой.

– Но я ведь живучий, что мне будет! Четыре месяца и все станет как прежде, вернусь в Томск иным человеком, заживем! – попытался успокоить он купца,

– Эх-х, сильно в этом сомневаюсь. Ладно, Жора, ступай, ступай. У меня дел невпроворот, надо организовать доставку коней в мобилизационные пункты, а еще с автомобилем разобратся, его тоже отобрать хотят, лихоимцы, – решил сменить напоследок тему Ефрем Сергеевич.

Купец Артемьев был одним из немногих в Сибири счастливых обладателей автомобиля. На всю Сибирь насчитывалось всего около тридцати машин, одна из которых, Руссо-Балт С-24/30 VII серии с кузовом дубль-фаэтон, принадлежала Ефрему Сергеевичу, приобретенная им в 1911 году и доставленная прямоком из Риги. Штуковина была не из дешевых, но зато подчеркивала высокий статус богатого купца. Владельцами «Руссо-Балтов» были великий князь Константин Константинович Романов, великая княжна Мария Павловна Романова, граф Сергей Витте, промышленник Эдуард Нобель, а также многие другие знатные и богатые особы.

Георгий обожал этот автомобиль, красного цвета с открытым верхом. Дядя научил его водить и любезно позволял возить его по своим многочисленным делам. Георгий всегда соглашался на это с большой охотой.

– Вы уж разберитесь там, дядюшка. Жаль было бы потерять такого красавца, – обрадовался смене темы разговора, одновременно переживая за судьбу автомобиля, Георгий.

– Уж постараюсь. Ладно, ступай, Жора и вправду дел уйма, завтра в храм, надо молебен отстоять, не проспай – закончил разговор Ефрем Сергеевич.

Ранним воскресным утром Ефрем Сергеевич с Георгием разместились в карете частного экипажа купца, отправившись в Троицкий собор на Новособорную площадь Томска.

Собор был выстроен в русско-византийском стиле крестово-купольных церквей и напоминал московский Храм Христа Спасителя. Он имел пять луковичных куполов без отдельно стоящей колокольни. В колокола били в двух боковых западных башнях. Собор в виду своего расположения был одним из центров общественной жизни. При храме организовали хор с великолепными сопрано, тенорами и величественным басом. Управлял хором известный губернский дирижер и композитор А. В. Анохин, а четыре года назад службу в данном соборе посещал сам П. А. Столыпин.

Георгий с Ефремом Сергеевичем прибыли к началу литургии. Купец тяжело дыша высадился из кареты и пошел вперед по дорожке, Георгий задержался, о чем-то болтая с кучером, но вскоре нагнал дядю. Вдоль дороги к храму сидели нищие, собиравшиеся ближе к службе вокруг собора. Георгий с дядюшкой, проходя мимо, подсыпали им монет и, троекратно осенив себя крестным знамением перед входом, вошли внутрь.

Читались молитвы перед исповедью. Георгий не соблюдал пост перед таинством, но решил попробовать спросить дозволение к причащению у священника в связи с предстоящей поездкой.

Артемьев отстоял длинную очередь, подойдя к молодому священнику с тонкой русой бородкой и длинными волосами, затянутыми в хвост. Георгий подошел, наклонив голову и начал перечислять содеянное им за последнее время. Священник слушал, пока Георгий не остановился.

– Есть еще кое-что, – тихо произнес Артемьев.

– Говорите, не стоит укрывать грех пред лицом Господа, – назидательно сказал священник.

– Кажется, я хотел или даже совершил нечестный поступок, дал человеку взятку за то, чтобы тот освободил меня от фронта.

– И он освободил? – еле слышно вымолвил священник.

– Не совсем так, я не буду в армии. Но, наверное, окажу какую-то помощь в тылу на пороховом заводе, – также шепотом продолжал Артемьев.

Священник какое-то время молчал, а затем спросил:

– Как вас зовут?

– Георгий.

– Раскаиваешься ли ты в содеянном, раб Божий Георгий?

Артемьев нахмурился.

– Да, – подумав ответил он.

– На все воля Божья Георгий, и Господь в конце концов управит, как должно, главное держите покаяние в сердце, – произнес священник, – не держите ли на кого-то зла или обиды?

Артемьев подумал о Ступине, убившем его коня.

– Н-нет, – с запинкой ответил он, – держал, но потом понял, что сам был виноват.

Священник больше не стал говорить ничего наставляющего, накинув Артемьеву на голову епитрахиль:

– Да простит Господь прегрешения рабу Божьему Георгию.

Георгий поцеловал крест и евангелие, получил благословение на причащение и отошел в толпу прихожан в ожидании выноса чаши. Он не мог сосредоточиться на службе, отвлекаясь на посторонние мысли. Он думал о том, что его ждет в далекой столице, действительно ли будет все так просто, как большинство о том говорит. Пытался представить жизнь вдали от близких ему людей, не вполне осознавая, каково это быть самостоятельным, решать проблемы без

помощи богатого дяди, без его связей и многочисленных знакомств. Он понимал, что по-настоящему никогда не нес никакой ответственности, не принимал последствия своих поступков.

Басистый голос священника запел «Символ Веры», и народ хором подхватил пение молитвы. В основном распевали невпопад, но слышались и красивые голоса. Артемьев мысленно вернул себя на богослужение. Пропели «Отче наш», и два священника вынесли большую золотую чашу из алтаря. Причастившись, и поцеловав крест, Георгий отстоял молебен и поставил свечи. Наконец ворота в алтарь затворились, и можно было покинуть храм. Он вышел на воздух, переговариваясь с дядей. Оба они были в хорошем расположении духа, преисполненные благодатью после прикосновения к святому таинству.

У Георгия накануне отъезда накопилось множество дел. Необходимо было посетить военное присутствие для подписания каких-то бумаг, навестить матушку, повидаться с Лизой, ну и собраться с университетскими друзьями, с которыми он старался поддерживать связь и после отчисления.

Глава 4

Агриппина Владимировна, урожденная Платонова, недолго вдовствовала после смерти мужа Сергея Сергеевича Артемьева. Муж ее был на двадцать лет старше своей супруги и на момент его скоропостижной кончины, она оставалась молода, хороша собой и способна к рождению детей. Ее заметил один из мелких томских дворян, титулярный советник Павел Симеонович Верхневицкий. Он был приветлив и обольстителен, покорила вдову своим красноречием и красивыми ухаживаниями.

Спустя года после смерти супруга Агриппины Владимировны, они обвенчались в храме Александра Невского, что располагался на Александровской улице недалеко от городского сада. После свадьбы оказалось, что Павел Симеонович на дух не переносит несносного, баловного и наглого сына Агриппины Владимировны. Мальчику было четырнадцать, и ответом на нелюбовь отчима были побеги из дома, насмешки и наглые выходки. Однажды Георгий отцепил привязанного коня Верхневицкого и стегнул его бичом, подгоняя так, что несчастное животное нашлось только к вечеру, бродившем в одиночестве вдоль берега реки Ушайки. Верхневицкий выпорол пасынка до кровавых ссадин, не обращая внимания на слезы и стенания супруги.

Скандалы продолжались, и Ефрем Сергеевич настоял на том, чтобы племянник жил в его имении под присмотром многочисленных нянек и гувернанток. Кажется, на этом моменте Верхневицкий вынул счастливый билет, так как Ефрем Сергеевич стал регулярно подкидывать Агриппине Владимировне по двести, а то и по триста рублей в месяц, чтобы та смогла вести достойную жизнь, сохраняя время на общение с ребенком.

Павел Симеонович забирал большую часть денег себе и распределял на нужды семьи, под которыми он понимал выкуп вещей из ломбарда и раздачу своих долгов.

Дворянство его было личным и распространялось на супругу, но не переходило по наследству, так что Георгий титула не имел. Вскоре Агриппина Владимировна понесла и родила Верхневицкому сына, а Георгию сводного брата. Мальчика нарекли именем Константин. Через какое-то время после рождения младенца, матушка Георгия погрузилась в многочисленные заботы, связанные с малышом, на первого сына времени оставалось все меньше. Когда малыш подрос, она увлеклась светской жизнью, всецело ощутив себя дворянкой, посещала разнообразные балы, салоны и спектакли. Георгий хоть и любил матушку, но виделся с ней все реже. Младшему брату Артемьева недавно исполнилось пять лет, общались они совсем редко, так что Костик при встрече звал брата дядей, хотя Артемьеву непосредливый мальчишка и был по душе.

После церковной службы Георгий поймал извозчика и докатился на скрипучей пролетке до торговых рядов городского рынка на Базарной площади. Протолкнувшись сквозь толпу бродящих покупателей, которых местные зазывалы, то и дело дергали за полы одежды, уговаривая купить, на первый взгляд, совершенно ненужные им вещи. Пройдя мимо овощных и фруктовых лавок, он остановился у кондитерской, купив сладкие пирожные, затем еле вырвался от настырных зазывал, требовавших от него примерки готовых платьев.

— Сударь, да что ж вы, померьте только, никто же не заставляет покупать, вы взгляните, это же ручная работа, английские портнихи завистливо плачут в сторонке, вы только гляньте! — задорно кричал молодой розовощекий зазывала.

Георгий только отмахивался, не вступая в беседу, в которой ему запросто могли продать мешковатый сюртук, от которого даже портнихи из Англии заливаются горькими слезами.

Найдя цветочную лавку, Георгий купил пять свежесрезанных алых роз, и, протиснувшись обратно сквозь базарную толпу, пошел вниз пешком до Магистратской улицы, где арендовал

неплохую квартиру Верхневицкий. Он мог бы иметь и свое жилье, но постоянно был в залогах, долгах или в состоянии их выплаты.

Георгий пришел к жилью Верхневицких к часу дня. Небо было затянуто облаками, дул прохладный ветер, день был серым и больше напоминал раннюю осень, чем разгар лета. Артемьев постучал несколько раз, пока, наконец, дверь не открыли. На пороге стояла Агриппина Владимировна, одетая для променада. Ее темные вьющиеся волосы были заколоты сзади и спадали до плеч. Она обладала привлекательными тонкими чертами лица и точеной фигурой. Матушка Георгия встретила его в почти полном облачении. Она была одета в послеобеденное платье с треном, пошитое из легкой бежевой ткани.

Увидев сына, она удивленно воскликнула:

– Жорж! Какая неожиданность, здравствуй, мой дорогой сын!

– Здравствуйте матушка! Вот, решил навестить! – Артемьев всучил матери розы, – я еще сладкого принес, думал почаевничать недолго, – он протянул завернутые в бумагу пирожные.

– А я как раз собиралась прогуляться, стой, Жорж, я только надену головной убор, – она взяла пирожные, забежала в комнату, положив их на стол, а цветы поставив в вазу, и надела на голову широкополую шляпу.

– Его Высочайшего Благородия нет? – с тоном издевки спросил Георгий о Верхневицком.

Агриппина Владимировна, казалось, не заметила, этого. Она поправила выпавшую прядь изящным движением.

– Нет, мой дорогой сын. Его Благородие с юным Константином пошли на какой-то концерт или спектакль, или в гости, право, я точно не помню, – голос ее был мягким, и речь лилась мелодично, как будто нараспев.

– Я пришел попрощаться, матушка, – решил не тянуть с главным Георгий.

Глаза Агриппины Владимировны округлились, и Георгий поведал ей всю историю, начиная от идеи Ефрема Сергеевича и закончив увольнением скользкого чиновника.

– Ох уж этот Ефрем Сергеевич, обратился бы к Павлу, он ведь тоже знает людей, подсobil бы, – ворчала Агриппина Владимировна.

Георгий раздраженно прихлопнул комара на руке, почувствовав, как при упоминании отчима его наполняет злость.

– Думаю, он просто не хотел отвлекать его Высочайшее Благородие от многочисленных финансовых операций, – намекнул Артемьев на вечные долги Верхневицкого.

– Георгий, не начинайте прошу, Павел Симеонович достойнейший человек, достойнейший, и я всецело доверяю ему.

Георгий не стал отвечать на эту реплику.

Они прогулялись вдоль набережной Томи, дойдя до пристани и обратно к дому на Магистратской улице. К концу прогулки, волочащийся по земле трен стал черным, собрав в себя, кажется, всю городскую пыль.

– Ты уж там осторожнее, Георгий, мой дорогой! – на прощание сказала Агриппина Владимировна.

– Буду матушка, вы же знаете, – с улыбкой ответил он.

– Уж я-то знаю, как никто другой знаю, – погрозив пальцем, с напускной строгостью сказала Агриппина Владимировна.

Они обнялись на прощание возле входа в квартиру Верхневицких. Внезапно дверь открылась. На пороге стоял Павел Симеонович собственной персоной. Он с негодованием глянул на супругу, а затем нервно перевел взгляд на пасынка. Не сказав слов приветствия, он лишь коротко кивнул Артемьеву.

Георгий же наоборот, казалось, приободрился от этой встречи, как будто даже надеялся на нее.

– О, Ваше Превосходительство, приветствую вас в вашей обители, – повысив отчима сразу на два чина, приветствовал его Георгий, картинно отвесив низкий поклон.

Верхневицкий не мог не заметить издевки, зная, что до чина титулярного советника ему уже не прыгнуть, отчего цвет лица его сделался пунцовым, глаза вспыхнули, а подкрученный ус нервно задержался с правой стороны. Он сдерживался из-за всех сил, стараясь не поддаваться явной провокации. Павел Симеонович отчего-то боялся Георгия, что-то было в нем такое безудержное, некая скрытая ярость, которой Артемьев мог смести все на своем пути, включая и Верхневицкого. Да и обидев назойливого и буйного пасынка, он мог задеть нежные чувства Агриппины, хотя это его волновало в меньшей степени. Больше его заботило содержание, получаемое до сих пор от Ефрема Сергеевича, так что, сцепившись с Георгием, он рисковал как физически, так и финансово, а это слишком высокий риск для его возраста и материального положения. Поэтому Павел Симеонович терпел и лишь злобно пыхтел, не в силах противостоять очередной мерзкой выходке Артемьева.

Георгий же тем временем не унимался:

– Пал Семеныч, батюшка! Что же вы не пригласите любимого сына вышей дорогой супруги на чашечку чая?

Терпение Верхневицкого подходило к концу:

– Артемьев, вы взрослый человек, прекратите этот балаган, в конце концов, – выпалил Павел Симеонович, тем самым, только раззадорив Георгия.

Агриппина Владимировна испуганно смотрела поочередно то на супруга, то на сына, одергивая то одного, то другого за одежду, но подобные ее действия ровным счетом никакого эффекта не произвели.

– О нет, простите же, что потревожил ваш покой, задел тонкие струны вышей широкой и проникновенной натуры, – веселился Артемьев, – чем же мне загладить свою безграничную вину перед вами, может быть... о да, может быть подарить брошь от моего галстука? Или золотую цепь от моих часов? Вы ведь найдете ей применение, верно? Я тут слыхал о красивейшем месте в центре горда, у излучины реки Томи, на Духовской улице! Да-да, там уже как два года работает городской Ломбард! Авось, дадут за нее серебром этак монет тридцать?! – торжественно завершил свою тираду Георгий.

– Артемьев! – не выдержав, заорал Верхневицкий.

– Убирайся вон, наглый щенок! Во-он! Духу чтобы твоего тут не было! Агриппина, – в дом!

Агриппина Владимировна в полной растерянности заохала и испуганно прикрыла рот тонкой ладонью.

Артемьев ликовал, он добился желаемого, оставался последний штрих для целостности картины. Он резко сменил выражение лица с веселого на непроницаемо-суровое и быстро сделал шаг в сторону Верхневицкого, приблизившись к нему вплотную.

– А ну-ка повтори, – сдавленным голосом прошипел Артемьев.

Верхневицкий понял, что выпустил на волю то, чего изначально страшился и постарался сгладить возникшую острую ситуацию.

– Слушайте, Георгий. Просто уходите, давайте не будем усугублять, — более сдержанным тоном продолжил Павел Симеонович.

Георгий смотрел на него в упор и молчал. Верхневицкому казалось, что эта томительная пауза длилась бесконечно. Внезапно Георгий подался туловищем вперед и притопнул ногой, сохраняя все то же устрашающее выражение лица. Верхневицкий от неожиданности отшатнулся и, споткнувшись о деревянный порог, провалился в дверной проем, растянувшись на полу. Артемьев, довольный собой, притронулся к полям шляпы и развернулся, направившись по своим делам.

Георгию осталось сделать еще несколько пунктов из намеченного им плана. Был черед встречи с университетскими друзьями.

Артемьев организовал встречу в одном из пивных трактиров Роберта Крюгера под названием «Бавария». Встреча была намечена на вечер понедельника. Он как обычно принарядился, но в тот раз в дополнение к своему повседневному гардеробу, по настоянию Ефрема Сергеевича, взял с собой пистолет. После 1905 года были некоторые трудности с ношением оружия, но купец решил вопрос, и его племяннику выдали разрешительное свидетельство из полиции, которое осталось в оружейном магазине в качестве подтверждения соответствующего права покупателя.

Это был черный браунинг 1910 года калибром чуть больше трех линий⁶, самозарядный пистолет конструкции Джона М. Браунинга. Носить такое оружие можно было скрытно, так как оно легко помещалось в жилетном кармане, куда и положил пистолет Артемьев. Оружие весило 1 фунт 53 золотника⁷, так что особого дискомфорта оно не создавало. Артемьев был неплохим стрелком и одно время регулярно практиковался, попадая в бутылку с тридцати шагов. Сейчас ему было не до того, но шагов с пятнадцати он точно бы не промахнулся. Георгий проверил наличие патронов в магазине, поставил оружие на предохранитель и положил во внутренний карман.

Артемьев явился в трактир первым. Официант принес меню, и Георгий принялся его изучать. Официант никак не возвращался, чтобы принять заказ, и Георгий, устав от ожидания, принялся осматривать публику. Вокруг собрались приличного вида люди, спокойно ужинавшие или подобно Артемьеву ждавшие своего заказа, расчета или сдачи. Кто-то звонко закатывал тяжелые шары в лузы, играя в бильярд и подзадоривая соперника, натиравшего наконецник кия мелом; два мужичка, изрядно выпивших, с напускной сосредоточенностью переставляли фишки, пытаясь предугадать следующий ход оппонента на столиках для игры в шашки.

Наконец, вернулся официант, и Георгий ткнул пальцем в меню, заказав одно из самых дорогих сортов пива под названием «Экспорт» по двадцать копеек за бутылку или три рубля за ведро. Вскоре должны были подойти друзья Артемьева, составлявшие ему компанию в период обучения в университете. Предполагалось, что придут молодые люди как с юридического факультета, так и несколько человек с медицинского. Он рассчитывал, что будет пять-семь человек.

Спустя полчаса компания начала потихоньку собираться. Молодые люди шумно общались, весело смеясь, перебивая друг друга, поднимали тосты, стукались пивными кружками и обсуждали ворох событий, всколыхнувших страну за последнее время. Тихая до этого публика потихоньку доходила до кондиции, люди орали песни и галдели, несмотря на то, что завтра многим необходимо было идти на службу.

– Я искренне думал, что войны не будет. Какой в ней нам смысл? Государь не хотел, Распутин отговаривал, разве кто-то желает умирать? – высказал свое мнение Иннокентий Самсонов, молодой человек с бледной кожей, тонкими светлыми усами, протирая платком круглые очки.

– Да причем тут Распутин, это же просто шарлатан, Иннокентий, о чем вы в самом деле? Ну а Государь, хоть и самодержец, а ведь теперь у нас Дума, сборище мздоимцев, они-то уж точно в окопах не будут гнить, зато наживутся на смертях нашего брата, – вступил в дискуссию Антон Скрябинский, пришедший на вечер встречи в сопровождении хрупкой девицы, которая по большей части молчала, изредка что-то шепча своему спутнику на ухо.

⁶ Калибр Браунинга 1905 года составлял 7,65 мм. Линия – устаревшая мера длины – составляла 2,54 мм.

⁷ Фунт = 32 лотам = 96 золотникам = 409,51241 г. Вес браунинга составляет 580 граммов.

– Слушайте, господин Скрябинский, не стоит вот так огульно навешивать ярлыки на людей, мы ничего не знаем наверняка об этом загадочном Распутине, может он и в самом деле великий старец и тогда вам грешно так говорить! – выпалил Самсонов.

Скрябинский отпил пива и наклонился к столу:

– Иннокентий, не будьте наивным, – война весьма доходное предприятие, не для нас с вами, конечно, но для отдельных личностей весьма и весьма!

– Будет вам, не петушитесь, господа юристы, умерьте свой пыл – с улыбкой успокаивал спорящих друзей Георгий.

– Ну, а вы-то, что думаете, господин Артемьев? – спросил малознакомый молодой человек с медицинского факультета по фамилии Громов, имени его Георгий не знал, – кажется, вы идете на фронт или вроде того?

Громов был невысокого роста, со светлой бородкой, круглым лицом и зачесанными назад русыми волосами.

– Скорее «вроде того», – передразнил Георгий, – буду трудиться в тылу на благо Отечества, стану тыловой крысой меж пороховых бочек на заводе Майнера, – шутя, объяснил суть своего предстоящего занятия Артемьев.

– Пороховой завод, значит. Интересно, а вы знали, что основу бездымного пороха составляет пироксилин, одна из разновидностей которого, между прочим, открыта Дмитрием Ивановичем Менделеевым в конце прошлого века. Так вот, Менделеев усовершенствовал известную формулу и пытался внедрить в производство свою технологию производства пироколлоидного пороха, – начал длинную лекцию Громов.

– И что же с того? – не слишком заинтересовавшись, спросил Артемьев.

– А то, господа! – торжествующе произнес Громов, – что эту технологию стащил какой-то никудышный лейтенант из Американских Соединенных штатов и теперь наши заводы покупают порох, произведенной по нашей же технологии у американцев, ну не стыдоба ли? – триумфально заключил будущий врач.

– Мда-а, дела... – загудели студенты.

– Видать, не такой он и никудышный, этот лейтенант, – поставил точку в рассказе истории Громова Артемьев. Компания дружно расхохоталась.

– А лично я боюсь повторения 1905 года, а то и похуже, – продолжил прагматичный Скрябинский.

– Да будет вам, эту гидру еще тогда придушили намертво, – ответил, продолжая спор Самсонов.

– Скорее, она просто затаилась. Может, ей и отрубили голову, но вместо одной у нее выросли две, – заключил Самсонов.

– Как по мне, так лучше бы ее сожгли заживо, – внёс свою лепту Георгий.

– Однако жестоко, ведь эти пламенные революционеры – тоже люди, – внезапно запротестовал Громов.

– Это аллегория, мой друг, всего лишь аллегория, – успокоил собеседника Георгий, – по правде говоря, мне всецело наплевать на их существование, пусть себе роют свой муравейник, только бы меня не трогали и не учили никого жизни, а то им бы только чего разрушить, да кого подорвать, – завершил свою мысль Артемьев.

Кто-то из студентов незаметно достал из-под полы бутылку коньяка, и молодые люди по кругу начали подливать его себе в стеклянные кружки. От таких махинаций беседа слетела с политического русла, и друзья начали вспоминать различные веселые истории их совместного обучения.

– А помните, Георгий Сергеевич... нет, постойте, постойте, дайте же мне сказать, – хохоча, пытался вставить свое слово Алексей Чудинский, также учившийся на юридическом с Артемьевым, – помните, Георгий, как проходил экзамен по гражданскому праву?

– О, это было нечто, – прокричал Скрябинский.

– Для тех, кто не помнит, сообщаю, что наш друг Артемьев тогда не выучил, кажется, ни одного вопроса.

– Нет-нет, как вы смеете, в тот день я точно мог ответить хотя бы на два вопроса, – запротестовал Артемьев.

– И какие же, позвольте, поинтересоваться? – с сомнением спросил Самсонов.

– Какой вы сдаете предмет, и как ваше имя, – смеясь, выпалил Артемьев, вызвав бурный смех собравшихся.

– Так вот, кажется, вас спрашивали о договоре займа, – продолжал Чудинский.

– Mutuum! – по-латыни вставил Георгий, что в переводе означало «заям».

– А вы, как известно, ничего не знали по сему вопросу.

– Но-но! Я прекрасно знаю, как брать займы, – снова перебил Георгий.

– Господа, дайте же закончить! – никак не мог договорить Чудинский, – Георгий тогда предложил профессору пари, что ответит на любой другой вопрос из билетов и вытянул единственный пустой билет, который по порядкам, заведенным тем профессором, давал неизменное право получить отличную оценку! – наконец закончил студент.

– Да вы просто, везунчик, господин Артемьев, – вставил свое слово Громов.

– Такой везучий, что в настоящее время отчислен, – прогоготал Артемьев, – позвольте, господа, мне необходимо отойти.

– А давайте лучше выпьем за мир, – поднял бокал Семен Волынин с медицинского, пришедший вместе с Громовым.

Встав из-за стола, Георгий осознал, что прилично выпил, голову его наполнял хмельной туман. Уже стоя на ногах, он залпом допил остатки пенистого пива, смешанного с коньяком, после чего неуверенным шагом пошел по направлению к уборной. Вечер складывался замечательно.

Дойдя до уборной, Георгий почувствовал, что ему стало нехорошо. Тошнота волной подкатывала к горлу, и он понял, что вернется в компанию еще не скоро. Друзья продолжали веселиться без него.

Вдруг дверь трактира отворилась, и в помещение вошли пять человек мало презентабельного вида с бритыми головами, в потертой запачканной одежде, явно уже не трезвые. Большинство присутствующих посетителей притихли. Похоже, что это были мобилизованные, получившие день увольнительной. Они шумно заняли свободный стол, кто-то из них громко загоготал. К ним робко подошел официант.

– Что изволите заказывать, господа? – вежливо спросил официант, держа наготове бумажный листок и карандаш.

Здоровенный детина, с наигранно серьезным видом изучавший меню, посмотрел на официанта исподлобья и спросил:

– Скажи, человек, свинью зажарить целиком можно? Подать ее на вертеле и полить томатным соусом? Целиком?

Официант смутился, не зная, что ответить, четверо спутников здоровяка сидели, с трудом сдерживая смех.

– Почто молчишь, шура? Что, нечем накормить защитников Отечества? Нам всего-то и надо, что обычную свинью, коих тут целый зал! – здоровяк вскочил с места, с шумом опрокинув стул, за которым сидел.

Официант попятился. На шум выбежал управляющий трактиром, и вежливым голосом залепетал:

– Господа, господа, я вас прошу, давайте прекратим это, вас покормят за счет заведения.

– Нам подачек не надобно, и господ тут нет! Господа все на балах пляшут, а мы за ваши рыла гибнуть будем!

Внезапно он с силой толкнул трактирщика так, что тот отлетел на несколько шагов и завалился на пол, жалобно причитая. В этот момент раздался выстрел.

Георгий стоял в пяти шагах от этой заварушки, держа в руке свой браунинг. В потолке виднелось дымящееся отверстие от пули.

– Вы, – он обвел рукой с пистолетом зачинщиков беспорядка, а ну, пошли вон отсюда! – приказным тоном проговорил Георгий.

Один из буянов, толкнул стул перед собой и резко пошел на Георгия. Артемьев с силой стукнул его стволом пистолета в висок, и нападавший свалился наземь рядом с побледневшим от страха трактирщиком.

Верзила, видимо, считавший себя лидером пятерки, вытащил нож и направил в сторону Артемьева, процедив:

– Сейчас ты у меня покомандуешь, щенок!

Артемьев, недолго думая, взял пистолет в обе руки и нажал на спусковой крючок, целясь верзиле в огромную ступню. Боек ударил по капсюлю, выбросив пулю из ствола. Затвор отскочил назад, и пистолет, крепко зажатый в тисках ладоней Георгия, дернуло отдачей. Через окно стволовой коробки выбросило гильзу, одновременно выпустив наружу едкий дымок пороховых газов. Здоровяк истошно завопил, схватился за ногу, катаясь по деревянному полу трактира и размазывая кровь.

Придя в себя после увесистого удара стволом браунинга, напавший на Георгия солдат и остальные неудавшиеся погромщики, подхватили раненного верзилу и, осыпая Артемьева отборными ругательствами, поковыляли прочь.

Артемьев, посмотрел на своих ошарашенных друзей и коротко процедил:

– Собирайтесь, мы уходим.

Затем резким шагом направился к выходу, толкнул дверь и очутился на улице. Было уже за полночь. Прохладный ветерок покачивал бесцветные от покрывающей их темноты листья деревьев. Небо было усыпано холодными тусклыми звездами. Артемьев посмотрел вверх и по детской привычке нашел созвездие большой медведицы. Ноги дрожали в коленях, его сковывало пульсирующее, затмевающее разум внутреннее возбуждение. Георгий опустил голову и увидел скрывающуюся за углом пятерку погромщиков и с облегчением выдохнул.

– Вот это вы даете! Может быть, все-таки не стоит растрачивать ваш талант на примитивную заводскую работу? – ежась и потирая от ночной прохлады локти, поинтересовался Громов, вышедший через некоторое время следом за Артемьевым.

– Какой талант? – не понимая, спросил, все еще пребывая в странном, полуоцепенелом состоянии, Георгий.

– Ну, как же. Вы были так хладнокровны и уверены в себе. А какой точный выстрел! – с восхищением смотрел на Георгия Громов, – думаю, таким как вы место скорее на фронте, чем на заводе, – заключил он.

Артемьев промолчал. Его переполняли смешанные чувства. На самом деле он слабо понимал, что творит, был нетрезв, совершенно неуверен в последствиях и действовал, скорее полагаясь на инстинкты, чем на рассудок. Но в итоге он ощутил подобие удовлетворения от содеянного, хотя не знал до конца, правильно ли поступил. Наконец, подоспели и остальные.

На их лицах сохранялось удивление, но никто не осудил Артемьева, скорее наоборот, его поддерживали, стараясь подбодрить.

– Ты просто снайпер, Жорж!

– Молодчина! Это так романтично!

– Меткий, однако, выстрел!

– Да какой там, он ему между ног целил, а прострелил ступню! —наперебой кричали студенты.

Кто-то обнял Артемьева за плечо, резко встряхнув его. Георгий решил уйти, наконец, от этой темы, так как в любом случае всем пора было разъехаться по домам.

Артемьев надеялся, что в трактире его никто не узнал и предложил поскорее взять карету, пока не приехал городской, так как не хотел всю ночь проводить в изнурительных допросах. Друзья начали ссылаться на дороговизну такого экипажа, но Георгий настоял, предложив лично все оплатить.

Вдоль дороги, на которой была расположена «Бавария», стояли разнообразные повозки, заехавшие одним колесом на тротуар. Кто-то из извозчиков спал, кто-то играл в карты, переругиваясь, а кто-то попивал чай, заедая куском хлеба. Лошади, не торопясь, жевали сено из мешков, свисающих с оглоблей. Извозчики то и дело окликивали молодых людей, предлагая свои услуги.

По пути до кареты компания распугала стаю серых голубей и своим шумным приближением разбудила извозчика, одетого в темно-зеленый подпоясанный кафтан на фантах и с фуражкой, скатившейся на глаза. Извозчик издал звук, похожий на сдавленное хрюканье, и от неожиданности вздернул голову, так что фуражка свалилась наземь, чем вызвал бурный хохот разбудившей его молодежи. Те, кто жил неподалеку, пошли пешком, а с оставшимися Артемьев катался по городу, пока не проводил последнего человека. Переночевал он в томском доме Ефрема Сергеевича.

Позже Артемьев узнал, что такие погромы происходили не только по Томской губернии, но и по всей России. Видимо, это было своеобразным обрядом инициации для многих призывников, они как будто срывались с державшей их цепи общественных норм, желая с шумом выпустить пар накопленного внутри волнения. При этом погромщики, вероятно, осознавали, что скоро их ждет иная, крепче прежней, армейская цепь, которая может затянуть поводок на шее так, что легко оказаться бездыханным в лежащем положении, глубоко под землей.

Начало мобилизации сопровождалось погромами винных лавок, складов, трактиров, ограблениями магазинов, а иногда насилием и убийствами. Такие волнения носили в большинстве своем стихийный характер и были больше исключением, чем правилом. Кто-то грабил в пьяном угаре, а кто-то расчетливо пытался заработать или натаскать для семей припасов перед отправкой на фронт, тем более, что призыв случился в разгар сенокосной страды.

Наутро Георгий чувствовал себя полностью разбитым. Он не мог отделаться от преследующего его ощущения суеты и не хотел подниматься с мягкой постели. С трудом поднявшись, он спустился на кухню. Увидев, проходящего мимо слугу, Артемьев окликнул его:

– Архип, а Архип, ты про клячу дядюшке-то напел, козлиная морда!

Слуга застыл, держа в руке поднос с грязной посудой, он был напуган тоном племянника купца. Он глупо открыл рот, не зная, что ответить. Георгий сурово сморщил лоб и посмотрел на слугу исподлобья.

– Ну? – потребовал Артемьев.

– Да как же-ж, Ваше степенство, – сперва затараторил Архип.

– Ефрем Сергеевич, о-он же-ж, а я т-только... – так и не смог закончить он мысль.

– Ладно, не мямли, дурья ты башка, шучу я, – не выдержав, расхохотался Георгий, – все правильно сделал, нет твоей вины никакой! Иди давай, куда шел.

Архип облегченно выдохнул, нервно заулыбался и пошел из кухни, по дороге споткнувшись, уронил поднос с посудой на деревянный пол. Поднос с грохотом рухнул, но чудесным образом, кажется, ни одной тарелки не разбилось.

Георгий оседлал кобылу, все это время, жившую здесь под присмотром слуг и поскакал в Общественное собрание, надеясь встретиться с Лизой. Но Лизы на месте не оказалось, как и всей ее труппы. Георгий вызнал у работников Общественного собрания, что труппа в полном составе внезапно укатила выступать чуть ли не в другой город и все это накануне важной премьеры в Томске. Вернуться они должны были только через неделю. Для Георгия была

оставлена записка от одной из актрис. Георгий развернул письмо и узнал знакомый Лизин почерк. Она писала, что не смогла дозвониться до него и просила прощения за столь внезапный отъезд. Руководитель труппы договорился об участии в каком-то благотворительном вечере в Барнауле, объяснив, что это станет неплохой тренировкой перед премьерным показом в столице губернии. Лиза просила писать ей, поскорее вернуться или забрать ее с собой, как только появится такая возможность.

Георгий сложил письмо и убрал в карман пиджака. Он нашел бумагу с карандашом и нацарапал ей ответную записку. Георгий написал, что постарается завершить все скорейшим образом, будет скучать и обязательно напишет или позвонит по приезду. Также он написал, что искренне сожалеет о несостоявшейся встрече. Про тему совместного пребывания в Петербурге он намеренно решил умолчать.

После этого Георгий посетил военное присутствие, подписал ворох документов, заполнил бессмысленные формуляры, окончательно этим утомившись. Завтра он предполагал отправиться в путь. После затянувшегося посещения военного присутствия он поскакал в Ново-Александровск.

Слуга купил ему билет на поезд, отбытие должно было состояться в пять утра. Весь вечер Георгий провел в сборах. Он набил полный чемодан вещей и с трудом закрыл его на ключ. Подняв его за две ручки, он глубоко вздохнул:

– Да-а, одному такое несподручно будет таскать, – подумал Артемьев. Он заново открыл его, перевернул собранное, выкинув пару брюк, одну из шляп, но чемодан так и остался увесистым. Георгий пожал плечами и направился в кабинет к Ефрему Сергеевичу.

– Добрый вечер, дядюшка, ну что, завтра тот самый день, провожать поедете?

– Добрый-добрый, спрашиваешь еще, за тобой же глаз, да глаз! – погрозил пальцем Ефрем Сергеевич.

– Вы не переживайте, дядюшка, лучше тут управляйтесь, может к матушке заглянете, проведаете, – продолжил Георгий.

– Хорошо у нее все, я ей каждый месяц на содержание даю, хотя ты уже лоб здоровенный вымахал, – отмахнулся купец.

– Да содержание ваше, этот стервец Верхневицкий проедает, не успев получить, – напомнил Георгий о своей нелюбви к отчиму.

– Не начинай, Георгий, он ей муж, она ему жена, вот сами пусть свои проблемы решают, а у меня тут свои и не мало, уж поверь. Ладно чего лясы точить, завтра в путь. Иди собирайся, проверь все, чтобы чин чином было. С собой тебе пять тысяч даю. С лихвой должно хватить. Смотри, не кути. Надеюсь, и не до того будет с этим заводом, туда его раз-туда. Может пока не поздно, слугу с тобой снарядить, а?

Георгий от последних слов поперхнулся:

– О, что вы, право не нужно никакого слуги, я вполне сам смогу дотащить свой чемодан, кстати, он уже собран, – запротестовал Георгий, испугавшись, что за ним увяжется дядюшкин соглядатай.

– Ну, смотри, смотри, но ты звони оттуда как можно чаще, и прошу, не ввязывайся ни во что. Оружие не забудь, – напомнил, купец.

– Так точно-с, – откозыряв, улыбнулся Георгий, – ну, я, пожалуй, пойду?

– Иди, иди, ляг спать пораньше и дверь прикрой, как выходить будешь, – напоследок попросил Ефрем Сергеевич.

Спалось Георгию плохо. Он ощущал себя не спящим, но и не бодрствующим. Тягучее состояние полудремы всю ночь обволакивало его, мысли мешались со сновидениями, реальность с забытием. Ночью разыгралась гроза. Дождь барабанил по крыше, словно бесконечные пулевые выстрелы, раскаты грома напоминали разрывающиеся артиллерийские снаряды. Георгий как будто лежал в грязном вымокшем окопе, спасаясь от града пуль. Внезапно обстрел

прекратился. Сквозь застилавший взор густой пороховой дым кто-то тянул руку, желая помочь Георгию выбраться из окопа и уйти с простреливаемой позиции.

– Дава-ай! – закричал знакомый голос.

Он схватился за руку и, вскарабкавшись по откосу, увидел своего спасителя и понял, почему голос казался таким знакомым. Это был отец, точно отец. Вытянутое лицо, коренастая фигура, подкрученные усы. Отец был очень бледен и звал его за собой. Георгий замедлился от удивления и внезапно, как будто палкой со всего размаху что-то с силой ударило в затылок. Он упал ничком с также открытыми от удивления глазами, из затылка виднелось пулевое отверстие. Он видел ужас на лице отца, видел, как тот уходит прочь, скрываясь в дали порохового тумана. Георгий все видел, все ощущал и понимал, но не мог пошевелить ни одной частью своего тела. Он понял, что, кажется, это смерть настигла его, и закричал от внезапно накатившей волны страха. И тут он проснулся. Он был в своей комнате. Дождь не прекращался, лишь стал слабее. Вода все также тонкими струйками стекала по стеклу. Он посмотрел на настенные часы и мысленно выругался. Через пятнадцать минут пора было вставать. Георгий надеялся поспать в карете, лишь бы дядя не приставал с разговорами.

Ефрем Сергеевич был собран как всегда четко по расписанию, он надел свой парадный сюртук, взял трость и сшитый на заказ котелок. Георгий спустился с некоторым опозданием, так что купец для порядку немного его пожурил за извечную расхлябанность, тем более, что дороги промокли, и путь обещал быть дольше обычного.

Они уместились в экипаж, слуга с трудом донес багаж племянника.

– Пес его знает, чего он туда только натолкал, – мысленно усмехнулся Ефрем Сергеевич.

Он намеревался в пути обсудить с Георгием предстоящую поездку, напомнить о людях, которые бы могли помочь, в случае чего, в столице, а по его богатому опыту общения с племянником, такая помощь вполне могла потребоваться. Георгий как будто притягивал всяческие приключения. Как-то раз он ввязался в драку на улице, вступившись за какого-то мужичка, которого приказчики возле одной из торговых лавок пытались окунуть головой в бочку с водой, дружно хохоча. Мужичок из-за всех сил упирался, но, в конце концов, не сдюжил, а потом процедура повторялась снова. Нет, чтобы вызвать полицию, Георгий полез разбираться самостоятельно, вдарил одному приказчику в ухо так, что тот от одного удара упал в беспмятстве, а второго схватил за горло и потащил к этой же самой бочке. Подоспевшая полиция разбираться не стала, сгребла всех разом, намереваясь оштрафовать за учиненный беспорядок. Все утряслось, как это зачастую бывает, при помощи определенной денежной суммы, которая позволила не вмешивать имя Артемьева в лишние тяжбы и не появляться в неблагоприятном свете в заголовках газет. Так, «Сибирская жизнь» в короткой заметке упомянула лишь о нахальстве приказчиков, не упомянув ни слова о Георгии.

Карета тронулась по насквозь вымокшей дороге, разбрызгивая лужи и растаскивая слипшуюся грязь в разные стороны.

Ефрем Сергеевич всю дорогу пытался разговорить племянника, но тот постоянно клевал носом, смотрел в окно, зевал, не слыша, о чем ему толкует купец. Лишь под конец пути он рассказал о своем странном сне, который, видимо, и не давал ему покоя.

– Смерть, говоришь, приснилась, ну так значит, долго жить будешь, и никакая пуля тебя не возьмет! Тем более что не на фронт ты едешь, а на завод писакой канцелярским, – подбодрил Георгия купец.

– Ваша правда, дядюшка, ваша правда... – задумчиво ответил племянник.

За час до отправления поезда они прибыли на вокзал Томск-1, который по привычке многие продолжали называть «Платформа Межениновка» или просто «Межениновка», как пять лет и именовалась эта станция. Вокзал представлял собой комплекс небольших деревянных строений, огороженных забором и выстеленным вдоль них деревянным перроном. Вокзал был открыт в 1896 году. Тогда, как рассказывал по дороге Ефрем Сергеевич, был такой же

дождливый день, как и сегодня. Пришло много народу, все сплошь с черными зонтами. Учитывая, что сама транссибирская магистраль шла в обход Томска, ветка в городе создавала комфортные условия передвижения по стране, но сильно снижала торговую роль губернии.

При этом в черте города ветка проходила в стороне от строительства жилых и общественных зданий, в связи с чем в конце прошлого века по рукам передавалась опубликованная где-то открытка, где изображалась городская панорама с высоты птичьего полёта и возвышающийся над ней суровый мужик в шапке-ушанке, с огромным брюхом – как символ Томска. На горизонте был виден тянущий за собой состав паровоз, чей дым изображался в виде зажатого в фигу кулака. Открытка была украшена красочной подписью: «Опять окаянная обошла!..»

Это было единственное, что запомнил Георгий из потока дядюшкиной болтовни, но это было действительно смешно. Они долго прощались, обнялись, поцеловались. Дядя пустил слезу, Георгий и сам уже был готов расчувствоваться, поэтому решил поскорее закончить затянувшееся прощание, но дядя твердо намеревался ждать отправления состава поезда.

Буфет ночью не работал, что вызвало шквал возмущений со стороны Ефрема Сергеевича, так как невозможно было согреться ни то что сладким чаем, да и простого кипятка нельзя было достать. Ночь же была темной, мокрой и зябкой. Небо застилали тяжелые свинцовые тучи, закрывая собой желтый полумесяц, ни одна звезда не могла протиснуться, чтобы проблеснуть сквозь сплошную дымную завесу облаков.

Для поездки Георгия был куплен билет вагона второго класса за сорок с лишним рублей. Преимуществом этого вагона было наличие одноместного купе, в котором и намеревался путешествовать Артемьев. На вагоне крупными белыми буквами было написано «Сибирская железная дорога». Всего в нем имелось три купе, кроме одноместного, имелись также два двухместных. Правда, санузел и умывальник были в разных концах вагона, соединенных длинным коридором. «Ну да ничего, шут с ним» – подумал Георгий. Купе было отделано тканью с вышитыми узорами, изображавшими не то сирень, не то виноград. Окно закрывалось плотной красной шторой для пропуска свежего воздуха, а во избежание духоты открывалась форточка. Паровоз был хоть и не серии С, но довести должен был с ветерком.

Путь пролегал через станцию Тайга, где должна была произойти пересадка, до неё было немалым семьдесят три версты. Оттуда необходимо было пересечь Омск, Урал, Нижний Новгород и Москву. А от Москвы до столицы уже рукой подать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.